

«У солнца нет ночи, у ночи есть солнце». К.Кедров

№ 6 (72)

2016

Ж У Р Н А Л

Э Т О В

Д О О С

Константин Кедров
специально для ПО.

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

Нам 20 лет!

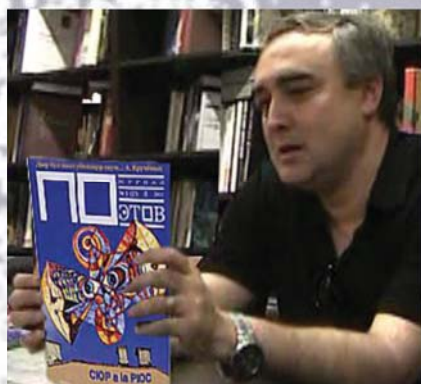
Редакция Журнала ПОэтов

Елена Кацюба

Константин Кедров

Эльмар Гусейнов

Александр
Городницкий

Виктор Ахломов

Маргарита Аль

Сергей Бирюков

Валерия Нарбикова

Алина Витухновская

Виллем В. Вестстейн

Александр Бубнов

Кирилл Ковальджи

Анатолий Кудрявицкий

Ночное солнце видели

Москва, Казань, Галле, Вена, п.Приютово, Париж, Будапешт, Сидней, Уланбатор, Элиста, Йорктаун, Каменск-Шахтинский, Буэнос-Айрес, Тверь, Красноярск, Калининград, Нью-Йорк, Воронеж, Курск, Симферополь, Лондон, Ярославль, Киев, Рязань, Новосибирск, Екатеринбург

2-3

Константин Кедров

4

Елена Кацюба

5-6

Лоренс Блинов

7

Маргарита Аль

8

Сергей Бирюков,
Александр Лысенко,
Владимир Попович

9

Петр Образцов,
Кристина Зейтунян-Белоус

10

Виктория Басурова, Арон Гаал

11

Татьяна Бонч-Осмоловская

12-13-14-15-16-17-18

Роман Перельштейн,
Валерия Нарбикова,
Кшиштоф Шатравски

19

Хадаа Сендоо,
Валентина Боован Куукан

20

Андрей Чайкин

21

Игорь Балюк,
Ольга Филиппова

22-23

Эдуард Трескин,
Наталья Шематинова,
Виктор Ахломов

24-25

Марк Ляндю

26-27-28

Альма Наивны, Ирина Бессарабова

29

Мириам Лутеротти,
Любовь Саломон

30

Анатолий Устьянцев,
Алла Бакланова,
Владимир Аристов

31

Николай Ерёмин,
Валентин Никитин

32

Геннадий Юшко

33-34-35-36-37-38

Таня Липатова

39

Ольга Ильницкая, Чальз Бернстин,
Ян Пробштейн, Галина Мальцева

40

Валентин Нервин,
Александра Окатова

41

Александр В. Бубнов, Елена Коро

42-43

Елена Зейферт, Лидия Григорьева,
Евгений Гусев

44

Румен Шомов,
Евгений В.Харитоновъ
Кристина Зейтунян-Белоус

45

Александр Карпенко,
Елена Краснощекова, Ия Кива

46

Наталья Рожкова

47

Михаил Данышов, Сергей Шуба,
Владислав Доброславский,
Галина Богапеко, Дарья Крапивина

1-я стр. обложки

Константин Кедров

Кристина Зейтунян-Белоус
«Солнечный рыцарь».

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Страницы 5, 22, 23, 45

Миру — миф

Страница 9

ПРОЗЫРЕНИЕ

Страница 12

ПО нотам

Страница 22

Страница 26

ПОРТРЕТ

Страница 23

**Авторская
билингва**

Страницы 10, 42

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

НОЧНОЕ СОЛНЦЕ

Я знаю ночью что солнце светит
А смерть не значит что жизнь исчезла
Она как солнце всего лишь скрылась
За горизонт мировых событий

Я знаю – живы мама и папа
А горизонт – это где-то в сердце
Да, где-то в сердце они и скрылись
И только в сердце они воскресли

Сердце моё – гроб господин
Спешат к нему мироносицы –
4 Марии
4 Марии стоят у разверстого гроба сердца
Но гроб не пуст – он наполнен жизнью
Там мама и папа никогда не умрут
Там алмазная гора любви
Возвышается вершиною вглубь

Неведение временно – знание вечно
Ненависть временна – любовь вечна
Глупость ограничена – ум бесконечен

Кто видит ночное солнце
Тот видит вечность

Кто видит восход с другой стороны закат
Тот знает – закат с другой стороны восход
Спешит закат к восходу – восход к закату

Восход-закат – два крыла одного сиянья
Восход на западе это закат на востоке

Кто вечером видит утро
А утром вечер
Тот видит вечное утро
И вечный вечер

Для солнца нет ночи
Для ночи есть солнце

Всегда сияет мозг солнце
Всегда всем светит свет мысли
Ночное солнце не исчезает
Мозг это беззакатное солнце

21 ноября 2016

ЧУВСТВА

Конечно мне неизвестно
Кто выстроил это здание
Скажу правдиво и честно –
Оно состоит из знания
 Бывает мысль бессловесна
 И писменная и устно
Скажу правдиво и честно
 Оно состоит из чувства
Но чувства – поди пойми их
Поймай Тамогавк на взлёте
Томи их в себе томи их
Не важно что не поймёте
 Я сам их роняю в бездну
 Так сладко к груди прикинуть
Они придут и исчезнут
Они уйдут и возникнут
Как страшно от чувства к чувству
Пройти по канату чувства
Сойдутся две половинки
Над бездной посерединке

СУРДО

Всё как в переводе с русского на сурдо
Рано или поздно выйдешь из одежд
Барикады смысла на пути абсурда
из обломков наших мыслей и надежд

В сурдопереводе мечется кузнечик
Сурдодержёры пчёлы и шмели
Ну а я всего лишь сурдочеловечик
Дирижёр абсурда посреди земли

Из абсурда-сурдо все мои поэмы
Из абсурда-сурдо звуков круговерть
Все мои поэмы перед вами немы
В сурдопереводе жизнь звучит как смерть

А вот Земля где мы с тобой балуем
Где каждый день то любим то ревнуем
Останусь в космосе последним поцелуем
Останусь космосом в последнем поцелуем

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

Неведомо зачем нас Бог творит
Зачем врата в Бессмертье отворяет
О чем «звезда с звездой говорит»
И что уста поэта повторяют

Поэт рожден природе вопреки
При родах что-нибудь да происходит
Вот тихий Рыбинск город у реки
Но и его воздушный ас находит

Одна из бомб нацелена в роддом
Взорвавшись меж собором и роддомом
Ас улетел на свой аэродром
А я родился оглашая ором

Тишайший Рыбинск где кругом сады
Сиреневые и наличники резные
И колокольня прямо из воды
Растет и к небу тянется доньяне

Хоть не хотел я пищу принимать
Сомкнув уста но Волга их разверзла
Бульон стерляжий с именем Христа
Я как Причастье принял – смерть исчезла

О как я благодарен ноябрю
Что выронил меня в глухую бездну
Отверстыми устами говорю
И буду говорить когда исчезну

КИОТ

Все истины остались в книгах
Святые затерялись в нимбах
Такие славные святые
Такие истины простые

Стеклянный дым стеклянный воздух
Висят стеклянные сады
Остановись пока не поздно
В киот небес не уходи

Елена Кацуба

ДООС – libellula

* * *

Вечереет

реет вече

звезд на площади небес

Их безмолный разговор

говор раз-

ных стран созвздий

и туманностей спиральных

звезд сверхновых

новых сверх

черных дырок

рок. Ды-

мок пыли из хвостов комет

Метко

в солнце угодил

беспризорный метеор

и теперь ему гореть

жар терпеть

петь тер-

цины вместе с Данте

пробираясь в рай из ада

и –

вдруг рванул протуберанцем

выплеснулся жаркой плазмой

запалил ночное солнце

прокатил по небу рокот

отрок звездный

метеор

разогнал ночное вече

и нарушил ночи чин

Снегом сыпались на землю

под ногой хрустели звезды

Шел по звездам человек

век чело ему венчал

наступающим рассветом

светом рас-

текался путь

* * *

шуршит крыльями

птица снега

звенит лучами стеклянно

звезда зимы

гравер мороза бесшумен

он по ночам вырезает на стеклах пальмы

дыханием

с уличной стороны

Лоренс Блинов

ДООС – звукозавр

Казань

БЛИЗ ОСЛЕПИТЕЛЬНОЙ ОСИ

ПАРТИТА № 2

В тоне МИ

*... рассвет изгладится
и мокрая сирень
разбудит серый каменный балкон
но тихо*

в памяти

изгладится и он

и ТЫ на нем

и будет новый день

И будет день

1. ИНВЕНЦИЯ

Ты скажешь:

ах какие же это всё были ясные дали!

какие поля!

какие вдруг зажигались костры на другом берегу!

Какая поразительно спокойная тихая лампа

возникала внезапно,

едва последние искры гасли за горизонтом...

и будет день

и будет снова ночь

и подползет вплотную

небосклон

Словно стремительная мышь

иногда вдруг вспыхивала между мною

и этими полями;

как она мелькала тогда!

как сновала в поисках малейшей лазейки!..

И вот уже кончик карандаша

раскален докрасна и ты... и руки сами начинают,

и ты уже будто...

Как же быстро тогда набегала гроза!

(градусник выпадал из рук;

ртутные шарики разбивалась в мельчайшие

брызги;

и трепетала листва)

Какой возникал тогда шалаш на берегу!

какие костры!

и ряски звон

и стон уключин

и серебристая волна

Где-то, почти у самого горизонта,

словно Хлебниковские олени рога,

вздмалось над уснувшей зеленою

засохшее дерево и

и эти дни нависнут

над мной

одним

бездонным

небом

без лица

и – снега!

безбрежные ровные

белые чистые поля

внезапно расстились

вокруг

и спокойная тихая лампа,

подражая высокой луне

снова возникала на этом

безмятежным с виду

столе

со стопкой затаившейся бумаги –

Боже мой!

Какая же это была бумага!

Таинственной белизной она притягивала

и манила к себе,

как ужас внезапного исчезновения

в этих снегах

в этих безнадежных блистаньях белизны и

...Очнулся почти под утро.

и лапы сосен

заметут следы

на хвойных тропах

солнечных лучей

2. LARGO

...Балкон угрюмо и сыро нависал

над всей этой бессонницей,

этим предутренним туманом;

и сирень казалась подводным существом,

и думалось – вечно она будет карабкаться

и цепляться

за эти скалы;

и никому

никогда уже не удастся

выбраться,

выйти из этой

белесоватой ночи...

3. БУРЛЬ

и будут плыть

таинственные пни по небу

точь-в-точь, как тогда, когда мы, купаясь,

перебегали,

едва держа звездное равновесие

с лодки на лодку

и, подбросив себя высоко в воздух,

врубались в эти серебристые пни

своими нагими молодыми упругими топорами –

и звонкие щепки летели,

и эти осколки, эти кольца годовые,

эти спирали

взвивались, и раскручивались,

и вспыхивали зелеными побегам

на наших телах;

и мы обращались в корни,

и проникали в самые глубины своих зеркал;

и весенние почки лопались,

рождая острые тонкие лучи, и они отражались;

и тогда мы были ближе к самим себе,

чем эти покачивающиеся волны,

чем сама эта вода,

брошенная кем-то на острые,

мерцающие ночные спицы –

они пронзали нас колким ледяным жаром,

когда мы ныряли,

пытаясь достать последний голубоватый

предутренний пенек,

умирающий в такой непостижимой глубине...

И мы тоже умирали;

и радовались тому, что он един – на двоих;

Поздравляем!
В этом году композитору
и поэту Лоренсу Блинову
исполнилось 80 лет.

и что нас было двое,
и что были мы — одно целое...

И потому декламировали мы
совсем иное
(мы забыли, что мы уже умерли, что нас нет).
Стоя на мокрой и теплой корме
и дрожа от озноба,
дерзко, с вызовом бросали мы — *В долинах жизнь своя,*
в уже клубящееся утро: *в горах — своя,*
И небеса для каждого —
свои.
Луна — одна.

(Тот самый прозрачный предутренний пенёк)
Но и она — своя
для всякого...

Но я уже кое-что начинал понимать.
Я начинал тихо просыпаться...
И хотя ты,
заливисто хохоча, снова падала
в эти волны,
увлекая меня за собой,
и лунная дорожка вновь обращалась
в трепещущую сеть,
но пойман почему-то был только я один,
пойман! и притянут
всё той же аккуратной стопкой
неведомо откуда возникшей
(бледновато-голубой
в свете мистически застывшего
лунного сияния) бумаги
и снова мне...

4. ИНТЕНЦИИ

небесный диск истаял
в глубине
я близок ослепительной оси
и новый день
... еще усилие —
и я снова
(я думал, что я почти...
что еще усилие —
и я вновь свободен)
И вот я уже снисходительно
и даже слегка покровительственно
по отношению к самому себе — прежнему —
читаю: *и я был молод*
я летел
по спящим улицам
по скверам
я пел и невозможно серым
был соловей
с колчаном стрел

Романтически глупо, претенциозно и банально
звучало все это, но ты была в восторге,
ты кричала: еще! еще!
и я был покорен: *И проступали простыни*
вопросом простофиль:
Где ж золотые россыпи? —
Но я не торопил...
Не торопил свои мечты,
пусть поостынут, остепенясь...

— Самозванец!
внезапно заключала ты,
и я, вспыхнув, и не шутя,
с опасной самоуверенно-
стью, запальчиво
и нарочито высокомерно
вдруг резанул коротким двустихием:
Нет!
Я - поэт!

5. НОКТИУРН

... Балкон был настезь.
Луна торопливо соединяла разбившиеся,
разбежавшиеся ртутные шарики.
Что-то огромное возвышалось над нами.
Оно стояло, будто прислушиваясь,
небрежно прислонясь и опираясь о косяк,
наподобие снятой с петель двери,
у которой вместо балконных стекол —
барабанная перепонка дрожащей предутренней мглы,
насквозь пронзенная последними
призрачно-мерцающими ночными спицами...

и будто иволга заколыхалась
в лесном прохладном полусне

Нет, я теперь совершенно отчетливо припоминаю,
что это уже было,
что у кого-то (не у Босха ли?)
я уже видел,
что встречал когда-то это настроение,
эту картину:

гигантские пласты какого-то единого
всеохватного катаклизма
и на переднем плане —
огромные два уха,
разделенные тупым холодным
зазубренным тесаком
и прошитые насквозь
каким-то длинным стремительным
острием, пронзенные
и одновременно как бы оба скрепляемые
этой, застрявшей в них булавкой...

Безразличные
к творимой над ними вивисекции,
они стоят чудовищно прямо
и бессмысленно,
придавив собою бедных, голеньких,
пресмыкающихся людишек,
пытающихся выскользнуть, выкарабкаться,
уползти,
освободиться от этой непомерной
тяжести;
и сатана,
поселившийся в одной из этих
ушных раковин,
участливо предлагает и протягивает им
руку «братской» помощи...

Огромные два уха,
вставшие во весь рост.

1966, 1976, 2016

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

в моей судьбе – судьба Миров
в судьбе Миров – моя судьба
прекрасен наш союз
в сплетении из слов
летят
как ангелы летят
летят слова
сквозь серебро
из вылитых зеркал
сквозь золото
из солнц
сквозь выдох и сквозь вдох
за горизонт
за свет
все глубже погружаясь в
пустоту
все гуще тьма
во мрак
не размыкая рук
не ведая
куда
не ведая
зачем

в крыльях купается небо
все что ни завтра
сегодня
все что не вечно
завтра

и звёзды как цветы
склонились в ожидании чудес
охвачен мир дыханием души
ещё чуть-чуть
и вспыхнет тьма как вспыхивает свет
внутри огня
как камешки янтарные в руке
зажат неведомый мне мир
как смерть ключи
как крест как крик как поцелуй луны
нет пустоты где б не было меня
нет тишины
нет страха
нет любви
нет отражения
ещё чуть-чуть
и вспыхнет свет
как вспыхивает тьма
как вспыхивает свет
как вспыхивает тьма
как вспыхивает свет
как вспыхивает тьма
как вспыхивает свет
как вспыхивает тьма
как вспыхивает свет

между морем и берегом
между громом и молнией
между прошлым и будущим
между внешним и внутренним
между смертью и вечностью
мы живём в одиночестве
как сквозное дыхание
между вдохом и выдохом

сужается пространство бытия
пока не вынесен
за скобки
мягкий знак
руками дотянусь до солнца

душа
свободная
без сердца без огня без пепла
что эта бездна
как атом расщепляю жизнь на звуки и слова
лианы вечных роз
вросли в запястья рук
присвоили меня как вид в своём саду

часы как сердце тикают закованные в круг
то медленно то быстро
то вдруг замрут как будто примеряют смерть

люблю когда вода из крана
как родник течёт
как в океан течёт лаская руки
каплями дождя

люблю терпеть слова как боль люблю терпеть

вращается земной калейдоскоп
слезится глаз волной холодных лун
играет на шарманке Бог

и вся я как один последний человек
оторванный от смысла бытия
оторванный от рук

я больше не рисую облака
и ветер не рисую я
и птиц гоню из пустоты

Коллаж Маргариты Аль
(бумага, металл).

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле

* * *

стихотворение – это, простите,
раз – рыв
окончанье времен
сосна,
что на севере диком
стоит одиноко
искривлена
настоящая(е)

ДИАГОНАЛЬНЫЕ РИФМЫ

прослежен снег
минутами процежен
обветрен торс
и голубь перевертен
хохочет космос
голос тянет кочет
обрушит или выстроит
так одинок идущий
словесность будто бы
но будто бы совместность

МЫ ЗИМЫ

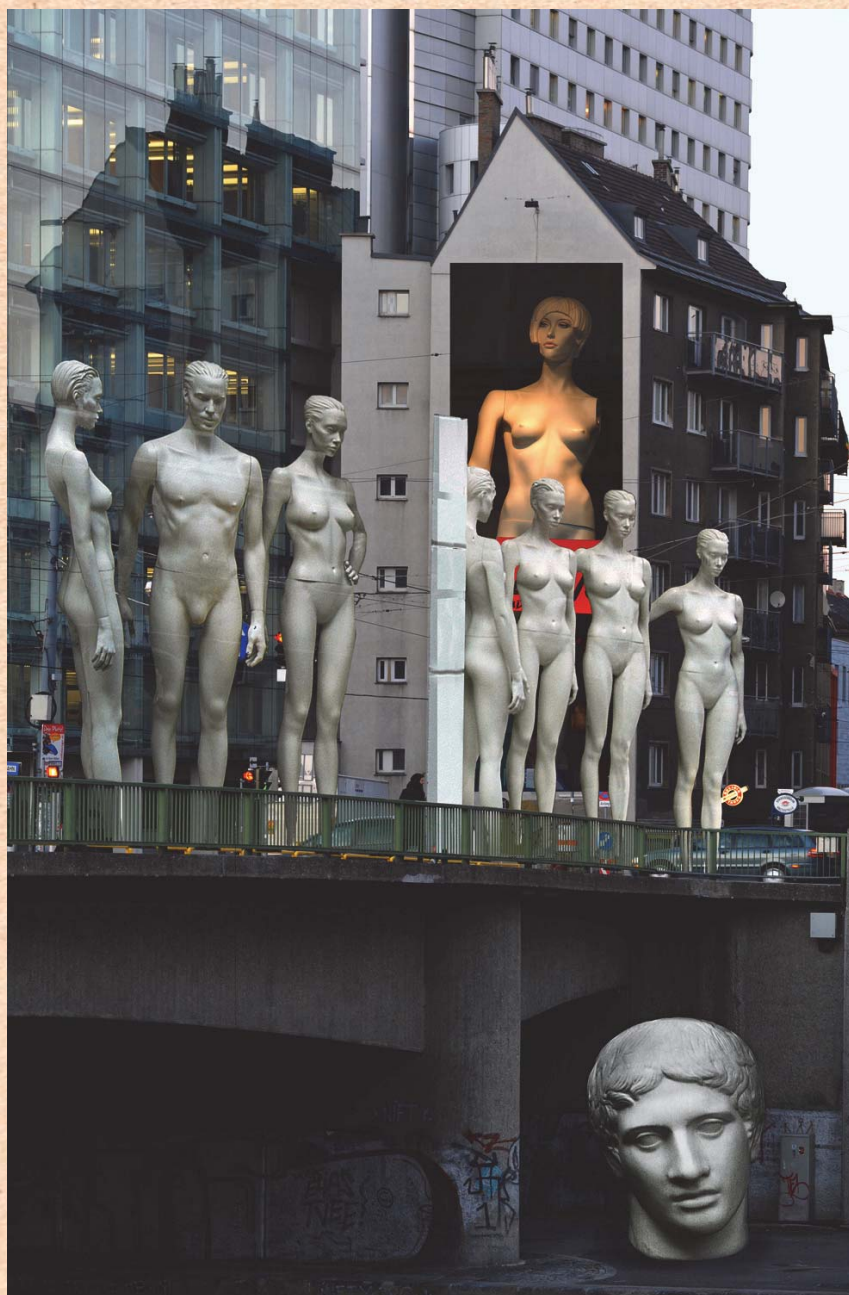
внезапно и зима
настанет
и мы
под сению зимы
страницы давних книг
листаем
и уповаем
мы
на этот разворот
зимы
как будто это мы
возникло из зимы

Александр Лысенко

Вена

Владимир Попович

Приютово

*
Манекен в магазине
Безликий.
Твоя душа.

*
Ползком по небу.
Между богов.
К Ней.

*
Обвал с крыш.
Снега?
Наших грёз.

*
Настолько мы
Не виделись давно,
Что отказалось
Прошлое
От нас.

*
Бисером слёз
Вышита
Радости маска.

*
Завтра близко.
Или уже
Здесь.
Смысл жизни.

*
Остановись,
Такая жизнь:
Вор нашего времени.

*
...И властная ночь
Спасается бегством
В зарю.
Настолько темны
Глаза твои.

*
Это только
Слова.
Это всё,
Чем я смею
Владеть.

*
Закрой глаза.
Я покажу тебе
Сон.

*
Иду
По нашим следам.
Обратно.

*
Внутри тебя,
А не вовне,
Отсутствие.

ПЛОСКВАМПЕРФЕКТ

Я родился настолько давно, что меня тогда еще не было, и сразу же начал готовиться к дню рождения, тогда еще не ежегодному празднику, а именно вот к тому конкретному дню того года, когда родился. Время было трудное, только что закончился один мир и страна начала готовиться к следующим мирным действиям, поэтому все ресурсы государства были направлены на разоружение. А разоружение предполагало деструкцию пищевой промышленности и запрет на ловлю камчатского краба. Так что краба было не достать. Но кроме краба, надо было не достать других продуктов, и много, потому что тогда, до моего рождения, были живы еще множество моих не родившихся тогда братьев, сестер, двоюродных братьев и сестер и даже была жива одна родная тетка. Она была близка мне по возрасту и родилась несколько позднее от моего деда, женившегося в позднем возрасте на молодой.

Продукты удалось не достать по блату, но возникла проблема с местом проведения торжества в честь моего рождения. Наша отдельная, большая коммунальная квартира занимала целый этаж в еще недостроенном доме, поэтому пришлось дать взятку прорабу, чтобы он разрушил дом до конца. Ловкие строители сломали дом очень быстро и таким образом проблема размещения гостей была разрешена. Буквально через пару дней мама отправилась в больничку и там буквально через пару часов я появился на свет, легко сдвинув ножками родильную плиту. Посмотрев на меня, уже в общем-то молодого мужчину, папа пробормотал что-то вроде «плюс-минус-квамперфект» и поздравил с днем рождения.

ЗА ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ ЗАБОРОМ

После того, как... После того, как... После... нет, он не помнил, после чего, и ему казалось, что он хотел жить за очень высоким забором сразу после рождения. А еще лучше до рождения или даже вместо. Забор следовало изготовить из красного кирпича, ни в коем случае не из силикатного. И, разумеется, забор должен был быть глухим, никаких промежутков между кирпичными столбами, а лучше всего из без калитки и тем более — без ворот. Неразрешимым даже в теории оставалось размещение забора. Не в этом же проклятом городе с ненавидимой школой, скорее за городом, но не в лесу — в лесу страшно, и сова может перелететь через забор. Впрочем, ястреб может преодолеть препятствие и в поле, поэтому забор ставим — где? На высокой горе, куда птицы не залетают.

Закончив институт и устроившись на первую попавшуюся работу, все равно он работать не собирался, он всерьез решил перебраться в горы, теперь-то уже понимая, что никаких заборов в пресловутом горном Тибете нет, но желание отсоединиться от людей где-нибудь повыше стало просто навязчивым. Однако надо как-то зарабатывать и питаться, а пасти овец в Альпах или на Кавказе он не умел и не хотел.

И тогда он догадался, вспомнив про библейских овец и сообразив, что подъем вверх аналогичен спуску вниз — это что взять за точку отсчета. И начал пасти человеков, устроившись машинистом на кольцевой линии метро. Заборы там выше некуда. В смысле ниже.

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС — графикозавр

Париж

*

перекресток звериных троп
в метафорическом лесу сознания.

*

Над Парижем розовый смог,
И нашествие микрочастиц
Планомерно стоняет в гроб
Постояльцев гостиницы Риц,
Гастербайтеров Сен Дени:
Даже если сидеть взаперти
От частиц никому не спастись.

*

Человек сидит на стуле.
Он собирает чемодан.
Вызывает такси.
Едет на вокзал.
Садится в поезд.
Убирает чемодан
Под нижнюю полку.
Поезд отправляется.
И вдруг, человек понимает,
Что он забыл выйти из дома.

*

гуттаперчевый голос ветвей

*

я стеклом протираю глаза
обрамляю взглядом
участок двора.

*

существо
из ущербной реальности
моет руки
в потоке сознания

*

стул и груда одежды
порождают собеседника
он строго смотрит на меня
осуждает за беспорядок
из которого возник

*

на тротуаре
перед кинотеатром «рекс»
проживает бомж тире поэт
с дыркой в левой ноге

Виктория Басырова (1951-2013) «На краю земли» (акварель), 2006 г.

Gaál Áron

Будапешт

Az utolsó álom

Amikor majd utoljára alszik el
Fejem fölött az olvasólámpa,
És utolsó földi álmomból belépek
Egy másik, ismeretlen Világba...
Új csillag fénye gyullad fel az Égen.

Amikor Ön, akárcsak tegnap,
Fiával sétálva felpillant a magasba,
Így szól majd neki: „Nézd fenn, ott -
Azt a Csillagot!” „Igen, azelőtt nem
Láttam – De hiszen neked ont világot!”

Ön pedig nem válaszol rá – csak hallgat,
Hiszen a titkot – egyedül Ön tudja majd:
Én léptem be, abba a másik, Világba,
Amikor fejem fölött utoljára aludt el
Az olvasólámpa.

2011. december 5.

Én – Я
Стихи на венгерском
и русском

Арон Гаал

Будапешт

Последний сон

Когда однажды последний раз погаснет
Читальная лампочка над моей головой,
И из моего последнего земного сна
Я войду в другой, неизвестный Мир...
Зажжется новая Звезда на Небе

Когда вы посмотрите в вышину,
Гуляя с сыном, как вчера,
Вы скажите ему: «Вон, смотри, там – Звезда!»
«Да, я ещё не видел её, но ведь она
Тебе светит!!!» Но вы на это

Ничего больше не ответите – промолчите,
Ибо одно вы будете знать – тайну:
Я вошёл в другой, неизвестный Мир...
Когда читальная лампочка над моей головой
В последний раз погасла...

5 декабря 2011

**Авторская
билингва**

Корректор Александра Крючкова.

Татьяна Бонч-Осмоловская

Dr. of Philosophy

Сидней

РОЛЬ ОПЕРАТОРА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ 2ХТ В ПРОЦЕССЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ 3 В ПР

В настоящей работе подвергается переосмыслению роль оператора ВП в процессе преобразования объекта 3 в Пр. В качестве альтернативного оператора преобразования выдвигается оператор 2ХТ, ранее ошибочно трактованный как один из атрибутов объекта 3.

Дано: замарашка Золушка (З).

Атрибуты: лохмотья (Л-я), тыква (Т), 6 мышей (6М), крыса (Кр), 6 ящериц (6Я).

З: { Л-я, Т, 6М, Кр, 6Я }

Предполагаемый оператор преобразования: волшебная палочка (ВП).

Предполагаемый оператор преобразования: две хрустальные туфельки (2ХТ).

Результат преобразования: принцесса (Пр).

Атрибуты: бальное платье (БП), карета (К), 6 лошадей (6Л), кучер (Ку), 6 лакеев (6Ла).

Пр: { БП, К, 6Л, Ку, 6Ла }

Применение оператора преобразования невыясненной природы ОПНПр : (ВП з 2ХТ) к объекту З, описываемому набором атрибутов {Л-я, Т, 6М, Кр, 6Я}, преобразует его в объект Пр, описываемый набором атрибутов {БП, К, 6Л, Ку, 6Ла}.

ОПНПр (З) = ОПНПр { Л-я, Т, 6М, Кр, 6Я } = { БП, К, 6Л, Ку, 6Ла } = Пр

При этом внутренняя природа объекта 3 остается неизменной, как и природа оператора 2ХТ.

В ранних работах многих исследователей (Ш.Перро, бр.Гримм и др.) в качестве единственного возможного оператора преобразования рассматривался оператор ВП, в то время как 2ХТ был отнесен к одному из атрибутов 3. Заметим, однако, что в отличие от прочих атрибутов (Л-я, Т, 6М, Кр, 6Я), 2ХТ остается неизменным в процессе произведения преобразования, что сразу дает основание для отнесения его либо в разряд субъектов преобразования (З, Пр и др.), либо в разряд операторов (ВП, 2ХТ).

В настоящей работе выдвигается предположение, что объект 2ХТ является оператором, осуществляющим заданное преобразование:

$2ХТ (З) = Пр$

В таком случае манипуляции с волшебной палочкой так называемой феи-крестной не имеют отношения к произведенному преобразованию, и являются одной из разновидностей трюков с бочонками, известных со времен халдейских магов и получившим в настоящее время наименование Игры В Три Наперстка.

Очевидно, что наше преобразование обладает свойством обратимости: $П-1 (Пр) = П-1 (П (З)) = З$

Рассмотрим обратное преобразование П-1:

$П-1 (Пр) = З$

или:

$П-1 (Пр) = П-1 \{ БП, К, 6Л, Ку, 6Ла \} = \{ Л-я, Т, 6М, Кр, 6Я \} = З$

При этом природы объектов З и оператора 2ХТ также остаются неизменными.

Вообще говоря, этому свойству может удовлетворять как преобразование ВП, так и преобразование 2ХТ:

$ВП-1 (Пр) = ВП-1 (ВП (З)) = ВП-1 * ВП (З) = З$

или:

$2ХТ-1 (Пр) = 2ХТ-1 (2ХТ (З)) = 2ХТ-1 * 2ХТ (З) = З$

Однако если в случае оператора ВП было выдвинуто предположение об ограниченности срока его воздействия, в отношении оператора 2ХТ можно предложить гипотезу его цельности:

$ХТ (Пр) = З$

Последнее уравнение дает основание приравнять операторы ХТ и 2ХТ-1 :

$ХТ (Пр) = 2ХТ-1 (Пр) = \Rightarrow ХТ = 2ХТ-1$

Заметим теперь, что именно восстановление цельности оператора 2ХТ немедленно приводит к повторному преобразованию объекта 3 в Пр, которое привычно сопровождается отвлекающим манипулированием ВП:

$2ХТ (2ХТ-1 (2ХТ (З))) = Пр$

Таким образом определяющая роль оператора 2ХТ при преобразовании 3 в Пр представляется вполне доказанной.

Непонимание этой роли нашими предшественниками следует, по всей видимости, из непонимания основного свойства объекта 2ХТ, приводящего к его функционированию в качестве оператора, а именно свойства цельности 2ХТ. Также следует сказать о скорее экспериментальном характере предыдущих исследований 2ХТ.

В рамках нашей работы остается нерешенным ряд вопросов. Так, перспективным представляется вопрос о воздействии оператора 2ХТ на объекты С1 (первая сестра) и С2 (вторая сестра), описываемые совокупным набором атрибутов Пс1 (платье первой сестры), Пс2 (платье второй сестры), Кс (каjeta сестер), 2Лс (две лошади сестер), Кус (кучер сестер).

$2ХТ (С1, С2) = 2ХТ \{ П1, П2, Кс, 2Лс, Кс \} = ?$

Известно однако, что применение оператора ХТ к объекту С1 (или С2) не привело к изменению объекта: $ХТ (С) = С$, что представляется вполне очевидным в свете свойств оператора 2ХТ.

Можно предположить также, что применение оператора 2ХТ к уже функционирующим объектам Кс, 2Лс и Кус может привести к катастрофическим последствиям.

Неясно также, подвергнется ли изменению внутренняя природа объектов С1 и С2, а также самого 2ХТ при применении 2ХТ к С1 или С2 в качестве оператора.

Интересно также было бы применить оператор ХТ к уже существующей принцессе Пр1:

$ХТ (Пр1) = ?$

Эти и многие другие вопросы воздействия оператора 2ХТ на различные объекты мы надеемся разрешить в нашей следующей работе.

Роман Перельштейн

* * *

Вчера мне рассказали про кита,
которого никто не понимает.
Он одинок от носа до хвоста.
Не узнает его родная стая.

Таинственный, как замок под водой,
и в замке ни души, но замок дышит.
Он тенью проплывает голубой.
Он все зовет, зовет... Его не слышат.

Не знает он о смерти на миру,
о жожаке. Ни друга, ни подруги.
Он издает непостижимый звук:
бездонный, словно баховские фуги.

Локаторы настроили киты:
нет никого. Киты не виноваты.
Он говорит на частоте звезды.
Напрасно... Звезды не признали брата...

Душа подобна синему киту –
изгнаннику, отступнику, пророку.
Затягивает песню, да не ту.
Душа подобно Богу – одинока.

Как синий кит, зовущий столько лет,
поймет, что не один на белом свете?..
На глубине глубин забрезжит свет.
И Бог ему как синий кит ответит.

* * *

Мягкий осиновый свет и высокие травы.
Снова дорога петляет, а небо молчит.
Звонкая пеночка истово Господа славит.
Милая, как же молитвы твои горячи!

Прянула в заросли, душу излила и смолкла.
И превратилась в резную, сквозную листву.
Господи, как же учиться приходится долго
радости, и неприметности, и волшебству!

Тянутся к плеску вершин, о себе забывая,
темные корни и блещущие небеса.
В этих местах, только в этих, других я не знаю,
сходятся души и слышат свои голоса.

Валерия Нарбикова

ДООС

ПРОЗЫРЕНИЕ

ПЕШЕХОД

или Любовь во времена года

Начало в №№ 1, 5, 2016 г.

Пешеход

А Миша действительно на полном серьёзе работал пешеходом. То есть он тратил некоторое усилие и время, и за это потраченное усилие и время – он получал деньги. Правда, небольшие, всего тысячу рублей за час. Но всё-таки он их получал, значит это была работа. Своих клиентов он мысленно называл попутчиками. Иногда он шёл на встречу и представлял: «что у меня сегодня будет за попутчик?» Таких попутчиков иногда набиралось один в день, иногда два, а иногда вообще не набиралось. Иногда попутчик мог пригласить Мишу пообедать вместе, иногда выпить кофе, а иногда и сам Миша мог угостить попутчика чем-нибудь. Так за разговорами во время пешей прогулки проходил незаметно час, а следующий час они по общему согласию могли тоже провести на прогулке вместе. И когда они гуляли, Миша в основном слушал, а попутчик говорил, ведь известно, что незнакомому человеку легче всего поведать свои тайные мысли.

Началось всё это год назад. Миша подумал, что работы бывают разные, лишь бы другому человеку от твоей работы была польза. Не говоря уже о том, что бывают совершенно бесполезные работы, и их большинство, а бывают и совершенно вредные работы, и их больше, чем большинство. А эта работа, которую он себе придумал, была совершенно безвредная, а, может, даже и полезная. Сначала он эту работу воспринимал как шутку, как своего рода «акцию», «хеппининг». И совсем для общества – не опасную. Чем плохо, если идут два человека и беседуют. Миша открыл собственный сайт, разместил свои данные, и работа пошла. В месяц у него получалось не так много денег – тысяч тридцать, или двадцать, или сорок в рублях. Но если учесть, что занимало это всего два-три часа в день, то это хорошо.

Если считать, что Москва – город криминальный, и опасно ходить не только с пистолетом, но и без пистолета, и опасно есть в дешёвых кафе, так же как и в дорогих, и опасно ездить на такси, так же, как и на частниках, а так же на маршрутках, троллейбусах, автобусах и метро. Вообще опасно ездить. Так же как и пешком ходить опасно. Поэтому бояться нечего. И надо летать, плавать, ходить и сосать.

Миша так и делал.

Пока он не узнал, что есть Та-Та-та.

Она появилась внезапно, как луна. То есть, как луны её сначала не было на небе, а потом она появилась. Вообще, сначала он никогда не обращал внимания, когда не было луны. Но потом, когда она появилась, он только и думал о том: «хоть бы не пропала». Она появилась не как футбольный мяч в небе, а как такой огромный лёгкий шар, которым играют в море, который нельзя даже обхватить руками, только подхватить и подкинуть вверх. Вот такая была луна. И хорошо, что она была сделана из луны, что она была не пластмассовая, не гуттаперчевая или виниловая, как мягкая голубая пластинка, которая уже тысячи лет крутится и играет, а вот как кончит играть, так и всё, можно выбросить, никому не нужно.

Когда Миша в первый раз увидел Таню Татарину, она была не одна. Она была с мужчиной, который ей годился в

Зевсы, то есть не дряхло-старый, но прилично-старый. И видно было, что она его любит, а он её – нет. Миша бы спокойно сразил этого Зевса, но Таня сама сразила Зевса, когда отвернулась от него и пошла прочь. И тут Зевс её окликнул: «Та-Та-та», – и она бросилась к нему обратно, и у Миши так захватило дух, когда они стали целоваться, что он уже готов был сразить их обоих. Но тут Таня сама сказала: «сегодня ничего не будет». И тогда Зевс сказал ей: «тогда завтра». И тогда Таня назвала это место на метро «Баррикадная» и время. Там-то Миша и ждал её, когда всё началось.

С этого момента на «Баррикадной» прошло уже два дня, и теперь Миша не знал, что ему делать. Он был в растерянности. Таня знала его секрет про о б о д о к, да ещё этот дурацкий Наполеон, который появился так некстати. Да ещё этот дурацкий принц, которого нужно было сопровождать. Это была не самая приятная работа, но та, на которой можно подзаработать. Но обязанность ему показалась очень тяжела.

Принц желал ничего не упустить такого, про что дома у него спросят, видел ли он это в России; да и сам желал воспользоваться, сколько возможно, русскими удовольствиями. По утрам они ездили осматривать достопримечательности, по вечерам участвовали в национальных удовольствиях. Принц пользовался необыкновенным даже между принцами здоровьем; и гимнастикой, и хорошим уходом за своим телом он довёл себя до такой силы, что несмотря на излишества, которыми он предавался в удовольствиях, он был свеж. Принц много путешествовал и находил, что одна из главных выгод теперешней лёгкости путей сообщения состоит в доступности национальных удовольствий. Он был в Испании и там давал серенады и сблизился с испанкой, игравшей на мандолине. В Швейцарии убил гемза. В Англии скакал в красном фраке через заборы и на пари убил двести фазанов. В Турции был в гареме, в Индии ездил на слоне и теперь в России желал вкусить всех специально русских удовольствий.

Большого труда стоило распределять все предлагаемые принцу русские удовольствия. Были и рысаки, и блины, и медвежьи охоты, и тройки, и цыгане, и кутежи с русским битьём посуды. И принц с чрезвычайной лёгкостью усвоил себе русский дух, бил подносы с посудой, сажал на колени цыганку и, казалось, спрашивал: «что же ещё или только в этом и состоит весь русский дух?»

Миша не то что сразу влюбился в Таню, но такую девушку он видел впервые. Он увидел, что она старше его, и что она женщина. Она, ясно, была влюблена, и он знал её тайну. От этого он был сумрачно-рад и солнечно-рад одновременно. Как же ему повезло, что он вообще её встретил. Ведь трудно просто так встретиться, ведь их никто не знакомил. Сами по себе. Он хотел её всю – иметь, обладать, любить, жалеть, играть, насиловать, лелеять, целовать, волочиться. Она была проста, как простушка, коварна, как кобра, спокойна, как караван верблюдов, жива, как ранняя птичка, умна, как вода, неистощима, как волна, что ещё? всё ещё... недоступна. Влюблённый человек, как правило, ничего не видит вокруг себя, но у него наоборот обострилось зрение, нюх стал острым, он почувствовал запах бензина и особенно молока, хотя по соседству молокозавода не было, он был только за кольцевой дорогой Москвы. Всё это было два дня назад, когда он сам по себе гулял по улицам, и ни одного попутчика пока не было, и деньги к нему не текли рекой. Тогда от нечего делать он и зашёл в маленькое здание, где, оказывается, размещалась театральная студия. В театр требовался суфлёр, и Миша подумал: «а почему бы и нет?» И согласился поработать. Так он и познакомился с Ерёмой и Дураковым. А дальше всё произошло, как по писанному: Ерёма ему дал ключ от квартиры, в метро он дождался Таню и в первый же день привёл её в квартиру Тим Тимыча. И теперь у них с Таней был общий секрет – и про о б о д о к, и про Наполеона. А на следующий день он отдал ключ от квартиры Дуракову. И теперь у Миши

не было ни ключа, ни Тани, ни Наполеона. «о, господи!», – мысленно сказал он. И голова его сделала полный оборот и вернулась на место. У него был о б о д о к.

Первый попутчик

Когда Миша остался один – без Тани и без ключа, он как никогда желал, чтобы ему позвонил первый, после таких важных для него событий, попутчик.

Был день, и в небе не было луны. Но как будто её с роду в небе не было. Небо было совсем пустое без Тани. А вот если бы луна в один прекрасный день на самом деле исчезла, то ведь нашлись бы учёные дяди, которые бы толково или бестолково объяснили, что не могло и быть иначе. А через тысячу лет вообще бы все забыли про луну. Что вот, мол, в небе была когда-то луна, а потом исчезла, то есть на следующую ночь не появилась, так по тихому, как будто её и не было. И луна бы осталась только как миф. Так бы и писали мифы о луне. И ещё бы она осталась в стихах. Но стихи для людей почему-то вещь несерьёзная. Хотя что может быть серьёзнее стихов? Только стихи.

И тут раздался звонок. В это время Миша был на бульваре. Это прорезался мобильник. «Пешеход?» – спросил мужской голос. И Миша ответил: «пешеход», – и они назначили встречу. Договорились у Пампуша, что на Пушкинской площади.

Миша считал минуту за минуту, ожидая своего попутчика. И вот он появился. Миша сразу понял, что это он, потому что у остальных людей, прохаживающихся или стоящих у памятника, был безразличный туповатый взгляд, а у этого человека взор горел. Этот человек сразу вычислил Мишу и направился к нему: «вы пешеход?» – спросил он. – «Да», – сказал Миша, и они вместе пошли по часовой стрелке, то есть к Страстному бульвару. Этот первый на сегодняшний день попутчик был Ляля Груздень. Он сразу же сказал Мише, что его зовут Ляля, а Миша сказал ему, что его зовут Миша.

Вообще, с другими попутчиками, Миша не спрашивал ни их имени, ни род занятий и своего имени не называл. И никогда их потом больше не встречал. Но тут был особый случай. Потому что был особенный день. Ляля был высокий, худой, и на смуглом лице у него светились светло карие глаза. Даже не светло-карие, а почти жёлтые, даже не жёлтые, а почти оранжевые и круглые, как у породистой кошки. Через пять минут они уже были друзьями. Они говорили, перебивая друг друга, им хотелось одновременно сразу всё друг другу рассказать. Потому что они оба были влюблены, и каждый в свою девушку, и для каждого это было самое важное.

И девушку Ляли – звали Менада. А девушку Миши – звали Таня. И каждая девушка была совершенно необыкновенна для каждого из них.

И когда Ляля сказал, что у Менады есть хвост, Миша сразу даже не воскликнул: «как, хвост!» Ну хвост и хвост. И только через минуту до него дошло, что у Менады есть хвост.

И он воскликнул, вопросительно глядя на Лялю:

– как хвост!

– так, – сказал Ляля, – самый нормальный хвост.

– что значит нормальный, – сказал Миша, – а что бывают ненормальные хвосты?

– я в хвостах не очень разбираюсь, – ответил Ляля. И чуть задумавшись, добавил: «но это совершенно человеческий хвост».

– а что, бывают и не человеческие? – как-то растерянно сказал Миша.

– конечно. Бывают звериные, рыбы, птичьи, ну сам понимаешь.

– вообще-то, да, – подтвердил Миша, припомнив все хвосты, которые он мог вспомнить. – ну а у неё какой?

– у неё – самый настоящий человеческий.

– это, значит, какой?

И Ляля стал объяснять, что если Менаду раздеть, то она очень стройная гибкая девушка, на очень стройных длинных ножках. Но это не всё. Что там, где у обычного человека копчик, вырос длинный, величиной с ногу, упругий, как бы из одних мускул, очень ухоженный хвост, покрытый обычной человеческой кожей.

– значит он не пушистый? – наивно спросил Миша.

– совсем нет, – ответил Ляля.

И дальше Ляля рассказал, что когда они познакомились с Менадой, у неё хвоста не было. А вырос он буквально за одну секунду, как она ему потом сказала.

– то есть ты сам не видел, как хвост вырос? – втягиваясь в этот загадочный разговор, спросил Миша.

– нет, я не видел. Ну а чего ей врать-то, что хвост за один миг вырос.

– и как же она с ним ходит? – спросил Миша, – куда она его прячет?

– она, понимаешь, носит длинную юбку и очень ухаживает за хвостом. Она на него надевает чулок, чтобы он не мёрз, а на кончик хвоста – чехольчик из твёрдой кожи, она его сама сшила. И знаешь, хвост, оказывается, очень удобная вещь, она им отталкивается, и очень быстро бегают, в сто раз быстрее, чем я, за ней не успел, когда мы были за городом, и она побежала, и никто бы не успел. Но может и спокойно ходить, чуть только опираясь на хвост.

– да, – многозначительно сказал Миша.

– ты что, не веришь? – спросил Ляля.

– почему, верю, – серьёзно ответил он, вспомнив и про свой ободок, и про Наполеона. Но он не хотел про это говорить. И вместо этого сказал:

– а можно посмотреть?

– что посмотреть? – не понял Ляля

– посмотреть на хвост.

– конечно, нет, – как-то даже испуганно ответил Ляля, – ведь это моя девушка, не могу же я её для тебя раздеть, – и он, смутившись, отвернулся.

– вообще-то, да, – сказал Миша, – ладно, извини.

– ведь это тебе не цирк, – миролюбиво сказал Ляля и уже совсем весело добавил, – придумал!

– что придумал? – спросил Миша.

– мы пригласим Менаду за город, в Коломенское, ты сам всё увидишь.

Коломенское

– а чего туда тащиться, – сказал Миша, – тут не далеко сад Эрмитаж, можно там побегать.

– ты не понимаешь что ль, – возбуждённо сказал Ляля, – этот твой Эрмитаж для Менады всё равно, что два шага.

– ну ладно, ладно, – примирительно сказал Миша, – поедем тогда в Коломенское, только ты позвони Менаде, может, она и не хочет.

– хочет, – сказал Ляля, и в ответе его был восторг.

Менада правда хотела. И они правда встретились у ворот в Коломенское.

Миша сразу поверил, потому что набегались они за Менадой не то что не поспевая, а она была вроде как на горизонте.

– этого не может быть, – сказал Миша, когда они присели на скамейку.

– ты устал? – весело спросила его Менада

– честно говоря, устал, – запыхавшись, сказал Миша, – давно я так не бегал..

– а больше всего я боялся тебя потерять, – добавил Ляля, – просто потерять из видимости.

– а вот как раз домик Петра, – сказала Менада, – отдохнём.

Заплатив за билет в домик Петра Первого спящей контролёрше, которая проспала уже сто лет на своём кресле, где, слава богу, никто не стрелялся и не давали бал. Всё было по домашнему и по тихому. Встретил их, конечно, сам государь

Пётр Первый, властитель всея Руси. Они не стали наблюдать ни Полтавскую битву, ни прочие увеселения Петра во младенчестве, а сразу приступили к делу. К закуске.

На закуску было подано что-то вроде рябчиков, но очень вкусные, чьи-то ножки и как-то не к месту чипсы в пакете. Были поданы золотые кубки, видимо, кроме золотых, других в домике не было. И красное вино в кубках просто сияло от улыбки. Конечно, были водки, настойки, шотландский виски и прочие ликёры.

Ещё не дошло до основного блюда.

Развели костерок. Прямо рядом с домиком Петра. Пётр хозяин – он принимает.

Поджарили на вертеле такого барана, который был прямо величиной с барана, а не какого там буйвола или слона, как врут некоторые, когда им удаётся отведать барана.

Пётр принёс здоровую бутылку рому. Такого вкусного и такого душистого, что сразу проглотить было нельзя, надо было чем-то запить. Только один Пётр проглотил сразу не запивая.

– извините, господа, не рассчитал, – и Пётр удалился в домик Петра и принёс ещё один какой-то загадочный сосуд. Он, видимо, хотел удивить этим сосудом, потому что торжественно и деликатно преподнёс его Менаде. Она приняла и в свою очередь скромно поклонилась Петру. Она откупорила сосуд.

– термос! – радостно воскликнула она, – то что надо термос!

Это действительно был термос, которым Пётр Очень гордился.

Менада открыла термос.

– чай, привезённый с острова Цейлон и упакованный на мануфактурах Англии, – сказал Пётр, – угощайтесь.

Чай был такой вкусный! А с ромом и свежезажаренным бараном – просто пир

– вы – дворяне на службе у государя и его двора, – сказал Пётр, лукаво подмигивая своим гостям.

– рады служить отечеству, – сказал Миша, разгоряченный ликёром и закуской.

– а ваша дама, сестра что ли ваша? – спросил Пётр

И тут Груздень набрался сил и твёрдо сказал:

– это Менада, Моя невеста, государь.

– что ж, буду на свадьбе, – сказал Пётр Первый и ласково потрепал Менаду по голове

– а что ж ты, молодой человек, молчишь? – обратился Пётр к Мише, – есть у тебя невеста или жена? Скажи?

– я влюблён, государь, – ответил Миша. И в словах его было достоинство и спокойствие.

– значит не сломя голову влюблён, – с доброй улыбкой сказал Пётр.

– нет, голова у меня на плечах, – ответил Миша.

– тогда, похоже, это любовь, – заключил Пётр.

– похоже, – согласился Миша.

– а как звать её, твою любовь? – Пётр был явно заинтересован происходящим.

– Таня, – ответил Миша.

– из какого же она государства? – спросил Пётр.

– она – московская.

– московские девушки – хорошие, – одобрил Пётр.

Пётр помолчал, а потом серьёзно спросил:

– и она тебя любит?

– вот этого я не знаю, – сказал Миша, – а хотел бы узнать больше всего. Узнать это – моя мечта.

– раз мечтаешь, – сказал Пётр, – значит узнаешь. А как узнаешь, приходи ко мне.

Пётр отошёл немного в сторону. А потом стал удаляться, а потом и совсем пропал. И молодые люди, и Менада почувствовали, что встреча закончена. Но было что-то недосказано. Но они почувствовали, что это в другой раз.

Ерёма и апельсин

– ладно, Тим Тимыч, уже поздно, можно я у тебя останусь, – сказал Ерёма, облокотясь щекой на руку и делая вид, что засыпает.

– артист, – сказал Тим Тимыч.

– и я тоже, можно? – в том же духе сказал Дураков и как-то по-детски шмыгнул носом.

– вон там, в кухонном столе – два пустых ящика, в них и ложитесь. – сказал Тим Тимыч.

– значит можно, – Ерёма даже подпрыгнул, – у тебя же комната свободная, пойду посмотрю.

– не ходи туда, – сказал Тим Тимыч строго, – там девушка.

– что, у тебя там девушка? – изумился Ерёма.

– да, девушка. – сказал Тим Тимыч.

– что, твоя девушка? – в том же духе не отставал Ерёма.

– не моя, – как-то рассудительно ответил Тим Тимыч, – но просто Девушка. Не ходи.

Но Ерёма уже пошёл.

Он как пошёл, так и вышел.

Он вернулся и сказал:

– нет там никакой девушки. Там на диване спит кошка.

Тут уж Дураков не вытерпел и, пока Ерёма застрял на кухне, пошёл сам посмотреть, что там в комнате.

Буквально через минуту он вернулся и сказал:

– никакая это не кошка, а собака, типа колли, пойдй сам посмотри.

Но в этот миг раздался звонок в дверь.

– Это ещё кто? – вопросительно посмотрел Тим Тимыч на Ерёму. – Иди открывай.

Ерёма встал и пошёл.

– Так это же Ляля Груздень, – закричал он из коридора, – с Менадой. Встречайте!

Такого веселья Тим Тимыч не ожидал.

– щас я вас всех сначала выгоню, – негромко сказал он, – а потом опять впусу.

Менада сразу всех очаровала. Бывают такие девушки, которым это не стоит труда.

Она протянула Тим Тимычу руку и тут же утёрла лоб.

– набегалась, – как бы шутя сказала она.

– это Дураков, – обратился к ней Тим Тимыч.

– да мы знакомы. – сказала Менада, – здесь все свои.

Со всеми своими она была на «ты». Ну и Тим Тимыч решил с ней на «ты».

– у нас тут чай. коньяк, – предложил он Менаде, – что тебе?

– и то, и то, – сказала, – спасибо.

Ночи как и не бывало. И ни сна в глазу.

– а я пойду спать, – сказал Ерёма, – я уже два дня не спал.

Кто со мной?

И после того как выяснили, сколько у Тим Тимыча комнат и кто где будет спать, и после того как Тим Тимыч сказал, что в эту комнату ходить не надо, что «там девушка», Менада воскликнула: «посмотрим!» И быстрее кошки она просто впрыгнула в закрытую комнату. И все за ней.

Но в комнате не было ни девушки, ни кошки, ни колли. Там вообще никого не было. Стояла кровать, покрытая даже не смятым покрывалом.

– я ж говорил, – сказал Ерёма, – никого нет, а кошка при-
виделась. Тут-то я и посплю...

Но поспать ему не удалось. Вся компания вернулась на кухню.

Тим Тимыч был как будто растроган. Он сказал:

– друзья мои, приходилось ли вам накануне зимы видеть в небе чистый церелеум, когда уже нет никакого цвета в небе, только сизо-туманные облака, и вдруг откуда-то этот раннего утра цвет небесно-морской воды, такой цвет, который бывает только в море и в небе одновременно, а больше

нигде не бывает, это бывает только один раз наяву, а так никогда.

И все слушатели заслушались.

– и где этот цвет, – первая оживилась Менада.

– в комнате, – спокойно сказал Тим Тимыч.

– пойду посмотрю, – сказала Менада.

После этого дверь закрылась, и наступило действие.

Менада вернулась, а в комнате – никого.

– послушайте, я вам вот что скажу, – сказала Менада, – там в Коломенском в домике Петра Первого был Миша.

И вдруг из комнаты выскочила Таня.

– говори, говори, как тебя зовут? – обратилась она к Менаде

– меня? Менада. Так вот, Миша сказал Петру Первому, царю, что Та-тата – это Мишина невеста.

– дальше говори, – сказала Таня.

– Пётр сказал, что Таня Та-Та-та сама его найдет, и он сам её найдет случайно, то есть они сами по себе случайно увидятся опять, вот

– а Миша что сказал? – спросила Таня.

– а ты кто? – спросила Менада у Тани.

И за всех ответил Тим Тимыч:

– я же сказал, что в комнате – девушка. овут её Таня Татарина. Та-Та-та. Знакомьтесь.

Вот так и познакомились.

– я вот что тебе хотел сказать, – сказал Ерёма Ляле Груздю:

– ты своєю девушку любишь, ты Менаду любишь?

– конечно, люблю.

– потому что, если не любишь, то не надо.

– да пошел ты к черту

И дальше произошло вот что – все как-то одним махом за-
снули.

И надолго.

Все говорят на своем языке.

И каждый на своем,

И дальше пошло вот про что:

– тебя что больше интересует, – сказал Ерёма Дуракову, – про войну 1812 года с Наполеоном или про домовых и утопленников.

Дураков сказал:

– про утопленников в батарее, им там и лучше.

Груздень первый раз у Тим Тимыча.

Пулнуть.

– что-то не спится, – сказал Груздень, – а вот как ты думаешь, Ерёма, – вот если взять собор Василия Блаженного, сжать его до горошины и пулнуть им из рогатки в Кремлевскую стену? Прорвет, как ты думаешь?

– я думаю, прорвет.

– а вот как ты думаешь, если взять Исаакиевский собор сжать его до горошины и пулнуть им по Эрмитажу? Думаешь, прорвет?

– прорвет. Распулялся тут. Чего-нибудь попроще спроси.

И Груздень спросил попроще –

– а вот как ты думаешь, Ерёма, – если взять всех людей вместе на земле, сжать их до горошины и пулнуть ими из рогатки по луне?

– я думаю, от людей останется дух на луне, мне так кажется, глупо, если они рассыплются на кирпичи.

– а вот как ты думаешь, если взять все-все-все, что есть в мире, во всех вселенных, вместе взятых и даже перемноженных на самих себя по сто раз, и это все сжать до горошины и пустить прямо в бога, как ты думаешь?

– я думаю, что не долетит до бога

– а почему, Ерёма?
– потому что ты пьешь коньяк без меня и не даешь мне спать.

В конце концов Дураков тоже проснулся и спросил у Ляли Груздья:

– как ты думаешь, там девушки спят? Таня с Менадой спят?
Груздень что-то невразумительное промычал, зато определённо сказал:

– у Менады есть свой секрет.
– какой секрет? – оживился Дураков

А в это время Менада с Таней не спали, и Менада по секрету сказала Тане: «Ты знаешь, у меня есть хвост». Таня слышала, но ничего не сказала. И Менада подумала, что Таня спит. Менаде стало скучно и она вышла на кухню.

А Таня загрустила и подумала – вот у Миши есть о б о д о к и вращается голова, у Менады – хвост, а у меня ничего нет. Ничего особенного. И тогда Таня подумала, что у неё зато есть Наполеон, и это её собственный Наполеон, а больше ничей. И так ей захотелось на него посмотреть. А для этого нужно было пробраться незаметно в комнату к Тим Тимычу.

И Таня потихоньку пробиралась в комнату, чтобы только взглянуть на свой собственный секрет, на своего собственного Наполеона. И что же она увидела в комнате, когда вошла и неслышно прикрыла за собой дверь. Там в комнате на полу, раскинув руки, лежал её собственный Наполеон, а на кровати, раскинув руки, спал Тим Тимыч. И Таня склонилась над Наполеоном и стала тихо приговаривать – только бы Наполеон не заговорил, только бы он не заговорил, вот так лежит себе и лежит, а как заговорит – ещё не поймёшь, что скажет.

И Наполеон не заговорил.

Зато Тим Тимыч проснулся и так бодро спросил:

– Таня, а ты знаешь про люптединов?

Икринка люптедина есть везде, повсюду есть маленький люптедин, икринка сидит на чём угодно, а в ней сидит маленький люптедин. Когда оболочка икринки лопнет, на свет появится готовый люптедин, точно такой же по размеру, как новорожденный человек. Но есть одна особенность – люптедин развивается со скоростью света или, как нормальный

слонёнок. Сразу после рождения может встать на ножки, а через час заговорить, через месяц он уже готовый пятилетний человеческий ребёнок, и знает, что земля стоит вроде бы на трёх китах или слонах или вроде бы вертится вокруг солнца, что, впрочем, одно и то же, и у люптединов есть свой трактат. А живут люптедины всего десять лет.

– да откуда ты про них знаешь, про этих люптединов? – спросила Таня.

– ниоткуда. От себя самого. Это мой секрет. У них есть свой трактат.

Трактат люптединов.

1 никогда не надо прыгать в пустоту.

2 никогда не надо наткаться на машину, превышающую твой собственный вес.

3 не утоляй жажду всем подряд, что можно пить.

4 не использовать лысую голову в качестве стола.

5 не укради.

6 не целуйся на морозе с железными качелями.

7 не бей в пустые ворота.

8 не прелюбодействуй.

9 не бейся головой об стенку.

10 не убий.

И началось вот что

На Ерёму никто не обращал внимания, и Ерёма сделал обиженный вид и откинулся в кресле на подушке.

– конечно, надо спать, – сказал он, – конечно, на большой кровати, в чистом белье, легли бы так по дружески в комнате у Тим Тимыча, да хоть со мной, хоть с Дураковым.

И тут по дружески раздался звонок в дверь.

Сказали: пицца, с часу до трех первый обед по-французски.

– и последний, – сказал Ерёма недоверчиво, – мы вам что-нибудь должны? – спросил он у курьера.

– нет, всё оплачено, – ответил курьер и также вежливо ушёл.

– это он прислал, – сказала Таня.

– кто? – спросил Тим Тимыч.

– Миша.

– да успокойся ты со своим Мишей, он спит у себя дома и кофе пьёт, – сказал Ерёма.

– и третий сон видит, – сказал Дураков в подтверждение, – а цветы надо в банку поставить, а то завянут. И он взял у Тани цветы и плюшевого мишку.

– в каком-нибудь романе между мужчиной и женщиной в поместье разворачивается роман за один день – во время завтрака он в неё влюбляется, за обедом предложение сделал, а за ужином они поженились. А тут с твоим Мишей цветы, какие-то мишки, чего он курьера прислал, а сам не зашел? Я спрашиваю.

– сам спрашиваешь, сам и отвечай, – сказал Тим Тимыч, – чайник поставьте, будем чай пить

Он сходил к себе в комнату, принес коробку с печеньем и коньяк.

– сыр в холодильнике, – сказал он, открывая коньяк, – был ещё паштет – в холодильнике.

– был, – сказал Ерёма.

– чай вкусный, – сказала Таня, разливая чай.

– и полезный, – отозвался Груздень, – пойду Менаду посмотрю.

– после любовного утра. – сказал весело Ерёма.

– и после любовного утра тоже, – ответила ему в тон Менада, как будто так быстро появилась, как на сцене.

– а вот и любовники, – весело сказал Тим Тимыч, обращаясь к Менаде, которую нежно сопровождал Груздень.

– а прекрасно, когда идёт снег, – сказала Менада.

– а это у нас что? – спросил Груздень, показывая на пиццу.

– это у нас пицца, – ответил Ерёма.

– это хорошо, – сказал Груздень, – так давайте поедим.

Все оживились.

Когда обычная пицца – это лагман с кулчитаем и с пло-
вом, и с куриными потрошками, и с шашлыком у костра под
звонкие бутылочки ахашени с жареными колбасками в Цюри-
хе да заесть квашенной капусткой под рождество в Москве и с
красной икоркой и ледяной водкой в Костроме, то есть везде,
где ни проедешь, есть с кем выпить и закусить за здоровье
граждан и сограждан и благополучие нации прямо на вокзале
в Питере или в мастерской у неизвестного художника, а, мо-
жет, и известного, не будем называть имени, да хоть за здоро-
вье тех кто просто подметает.

Вот сейчас будет зима, я люблю, когда под фонарями идёт
снег. Такая мразь кругом, а под фонарями чистый снег. И
жутко холодно, и жутко страшно.

– но где твой Миша, Миша-то где? никакого Миши и нету.

– он здесь, – сказала Таня, – он здесь, ладно, я пойду
спать.

Она пришла в комнату к Тим Тимычу и там на полу вме-
сто Наполеона был Миша.

– привет, – сказала она.

– привет, – сказал он

– ты тут посиди тихо, – сказала Таня,

– я сейчас там поговорю и вернусь.

Таня пришла на кухню, а там, как обычно, обсуждали кос-
тюм Дуракова.

– вот, – сказал Ерёма, – повезло же Дуракову, костюм не
мнётся и не пачкается, словно в нем родился. Можно и в кос-
тюме спать. Думаете, повезло Дуракову с костюмом, – как ты
думаешь, Таня?

– конечно, повезло, – сказала Таня, – а ты, Дураков, в бога
веришь?

– я его люблю.

– а ты, Ерёма? – спросила Таня, разливая чай.

– ну вот почему про всё серьёзное надо говорить между де-
лом, – сказал Ерёма и налил себе рюмку коньяка.

– особенно, когда выпьешь, – сказал Тим Тимыч и налил се-
бе тоже, – присоединяйтесь, – сказал он Дуракову и Тане.

– все, ребята, – сказал Тим Тимыч, – сегодня по домам, де-
баты на потом – и про любовь и вечную жизнь, и про бога, и
как готовить пиццу, а сегодня спать.

И все разошлись – Дураков с Ерёмой и с Грузднем, и с Ме-
надой пошли в маленькую комнату. А Таня пошла в комнату к
Тим Тимычу, а Тим Тимыч пошел за Таней к себе в комнату, и
вот так сюрприз – комната, как вошла Таня, была закрыта
изнутри на задвижку. Тогда Тим Тимыч вернулся на кухню
сел в кресло и подумал – а мне и тут хорошо.

И вроде бы всё улеглось, всё встало на свои места: Тим Ти-
мыч – на кухне, вся актёрская компания – в маленькой комна-
те, а Таня – в комнате у Тим Тимыча, где происходит – всё. И
началось всё сразу.

Лежал себе, лежал Наполеон, а потом раз – и вместо него
появился Миша.

– Миша, сказала Таня, – это ты?

– как видишь, – сказал Миша, – целый и невредимый.

Таня дотронулась до него. Это был самый настоящий Ми-
ша, а не игрушечный. И даже ободок на месте. И даже голова
повернулась вокруг своей оси несколько раз.

– что ты крутишь ободком, так голова улетит, – сказала Та-
ня улыбаясь, – верю, верю.

– а человек – всегда так, – сказал Миша серьёзно, – глазам
своим не верит, пока сам чего-нибудь не потрогает, не повер-
ит. Вот и ты, пока до меня не дотронулась, не верила.

– нет, мне просто хотелось тебя потрогать. Я тебя ждала.

И они обнялись.

Но поцеловаться они не успели.

Под дверью стоял Тим Тимыч, и он сказал:

– Таня, с кем ты разговариваешь?

Тогда Миша успел шепнуть ей: «я сейчас уйду. Мы. будем с
тобой здесь встречаться. Приходи, когда сможешь».

И он исчез, как будто его и не было.

– Таня, открой, – сказал Тим Тимыч за дверью. И громко
постучал.

Таня спокойно открыла дверь. Тим Тимыч вошёл и ничего
странного не обнаружил.

– я слышал голоса, – сказал Тим Тимыч, – женский и муж-
ской, – с кем ты разговаривала?

– ты же видишь, здесь никого нет, – спокойно ответила Таня,
– я сама с собой разговаривала, роль репетировала.

– но я слышал мужской голос.

– ну так я меняла голоса, – невозмутимо ответила Таня, –
что тут удивительного?

– тоже в актрисы подалась, – иронично сказал Тим Тимыч.

– тогда иди в маленькую комнату, там вся актёрская ком-
пания. А я спокойно посплю. Устал я.

– ну и пойду, – сказала Таня как будто с обидой.

И вышла.

Она вошла в маленькую комнату, а там было шумно и ве-
село.

Обсуждали хвост Менады.

– не верю я ни в какой хвост, – весело трещал Ерёма, –
покажи, тогда поверю.

– а его сейчас нет, – так же весело ответила Менада.

– да его вообще нет. И не было, – сказал Дураков и тут же
засомневался, – ведь Груздень же видел.

– подумаешь, Груздень, – сказал Ерёма, – мало ли что мо-
жет привидеться в любовном пылу страсти.

И хвост у Менады – раз и появился. Она по чувствовала
его под юбкой. «Есть!» – сказала она

– что? – в один голос сказали все вместе.

– хвост, – спокойно сказала Менада.

Её обступили вокруг.

– покажи, – попросил Ерёма жалобно, как ребёнок, – Груз-
день и Миша видели, как ты там с хвостом в Коломенском
бегала, а я – нет. И Дураков – нет. Покажи, пожалуйста. Нико-
гда не видел живых хвостов. Я пока не дотронусь, не поверю.

И тогда Менада показала кончик хвоста под юбкой. Ерёме
жутко захотелось дотронуться.

– а трогать нельзя, – сказала она и прикрыла хвост.

– а мне можно? – спросила Таня, неслышно подойдя к
компании.

– никому нельзя, – строго сказала Менада, – только я сама
могу трогать.

Она дотронулась до хвоста, и он исчез.

– ладно хоть увидели, – примирительно сказал Ерёма, а так
бы я не поверил. А то всё хвост да хвост.

– а никто тебя не просит верить, – вступился за Менаду
Груздень, – что она, врать будет?

– почему врать, – сказал Ерёма, – просто хвалиться. Ведь
ни у кого больше хвоста нет.

– а я сразу поверила, – сказала Таня, – почему только у ме-
ня ничего не появляется.

– у тебя – больше всех, – вдруг воодушевился Ерёма, – у
тебя человек появляется, – и он протянул: че-ло-век.

– откуда ты знаешь? – испуганно сказала Таня, вспомнив о
Мише.

– а как же! – шутливо сказал Ерёма, – ты же сама сказала,
что это Миша тебе принёс мишку и цветы, а нам пиццу.

– кстати, о пицце, – вставил Груздень, – пошли поедим.

...

И там был Лермонтов. Вот его еще только не хватало.

Лермонтов

И там был Лермонтов.

И там был Лермонтов. Вот его ещё только не хватало.

Ну был же Пушкин.

И хватит.

Хватит, а тут ещё Лермонтов.

А самый хороший получился Максим Максимыч. Вот как человек жил в горах, так и жил, а Белла тут совершенно не при чём.

Печорин он конечно хорош – противный, но приятный и вообще.

Но вот любил ли Лермонтов Пушкина. Да кто знает. Да кто знает, то тот пусть и скажет

Как же молодым людям охота поболтать. Хоть о газе, хоть о противогазе.

– это был не Миша, – сказал как бы подзадоривая всех Ерёма

– нет, не Миша, – подтвердил Груздень, – Миша остался в Коломенском

– Миша тот, кто подаёт о себе знаки, и Миша тот, кто меня любит, – спокойно сказала Таня.

– вот это номер! – просто воскликнул Дураков, – а, может, я тебя люблю, значит я Миша?

– может, и Миша, – также спокойно сказала Таня, – только не т о т Миша.

– значит, всё, что любовь, то и Миша, – подытожила Менада.

– нет, – сказала Таня, успокойтесь, – только мой Миша и есть моя любовь.

Груздень полез в свою сумку, а там что-то звякнуло. Это были три золотых петровских бокала из Коломенского из дома Петра, из которых они там пили с Петром – Миша, Груздень и Менада.

– вот, петровские бокалы из Коломенского, – сказал Груздень как бы неуверенно, – мы из них пили с царём Петром Первым, – добавил ещё более неуверенно.

Зато Ерёма уверенно сказал: «надо бы вернуть».

– а, может, и не надо, – засомневался Дураков, – это для нас целое состояние, а для него – копейки.

– но бокалы-то музейные. – сказал Ерёма и добавил, – раз Груздень нашёл их у себя в сумке, пусть он и везёт их обратно в музей.

– а, может, Менада ответит, – задумчиво сказал Груздень, как будто Менада не его любимая девушка, а так, девочка на побегушках.

– нет, я не побегу, – сказала Менада, – кто его знает, будет хвост или нет, а на метро мне неохота.

– я отвезу, – сказала Таня, – вы же за меня пили, как за Мишину невесту, вот я и отвезу, а заодно и с Петром познакомлюсь.

– на свадьбу его не забудь пригласить, – как-то некстати развеселился Ерёма, – будет свидетелем. А там, глядишь, и крестником, как у Ганнибалы. А там, глядишь, у вас и Пушкин народится, и русская литература не зачахнет. А то стала чахнуть. И всё чахнет и чахнет. И вот даже Пушкинскую премию дают. И вот всё не тому и не тому. Всё не тому и не тому. Вот сам Пушкин им бы не дал.

– тебе бы дал! – сказал Тим Тимыч, – как-то незаметно появившись на кухне, – и как вам не надоело болтать!

– всё, Тим Тимыч, расходимся, сказал Ерёма.

– я полежу у тебя в комнате пять минут и поеду, – сказала Таня Тим Тимычу.

– полежи, – согласился Тим Тимыч.

Миша сидел по-турецки в комнате у Тим. Тимыча на полу. Он сказал Тане:

– ты выходи через дверь, а я буду ждать тебя на улице.

Таня заглянула на кухню, положила бокалы в свою сумку и сказала всем: «я поехала», а Тим Тимычу сказала:

– я вернусь к вечеру, Тим Тимыч, может, и с Мишей.

– хорошо, – сказал Тим Тимыч, заходите в гости.

Кшиштоф Шатравски

Ольштын

эта красота...

to piękno
ach, barwne i kuliste
tak, wstydlive wręcz słoneczne
zachody – gdybym próbował je śpiewać,
lub malować w oleju – mógłbyś spokojnym
głosem zwać mnie pacykarzem albo estetycznym
embrionem,, zamykam więc oczy by przedstawić
sobie szare, pozbawione barwy i kształtu sprane
bez bólu i radości płótna na których pozostawiam
noce gorączki, ślady szamotaniny z przeпоconą poś
cielą, zgniecione fiołki po medykamentach czy głos
niedzielnych dzwonów, który zapomniał o naszym /mym
istnieniu
ale czy nie jest to bardziej jeszcze
podszyte kolorem, barwą naturalną i kiczowatą; marsze
linoskoczka ku rozkołysanej w dole śmierci
i wciąż
głębiej zanurzam się w roztworze formaliny ja, obelisk
akademickich sporów
o pomarszczonej skórze
i zaklejonych powiekach
jakże prawdziwy
jakże niewinny i martwy
w zakurzonej słoju na półce
a
słońce
niech będzie kiczem nawet samo słowo –
zachodzi – krąg na pasma rozkładany
w skleionej z ziemią perspektyw
-ie
drży jeszcze tarczy
kraniec

во первых...

po pierwsze: jest wiosna, marzec – i mrozów nie pamiętam już prawie
po drugie: jest ten ból w piersiach,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,, o,, tu
po trzecie: me-dy-cy-na ! medycyna (?) nie ceni podmiotu
po czwarte: cóż to nasze życie jest warte wobec grozy raka
już ku nam palcem zżę grubu kiwa książd nad księgi baka
po piąte: zaszczyca on wielu, ale dlaczego mnie – to
po szóste – owija w śmierci chustę? ale lekarz
nic nie mówi, w przestrzeń patrzy, a tam
krzyczy poeta,, jego słowa każdego
ranka (krwawa),,, ze schodów
myśli zbierają dzieci,
gospodarz zmywa
domu cieć
po czterysta trzynaste: moje urodziny
kolejne, jak co roku – znów u rodziny
na to nie znają lekarstwa – to kuzynka
duszę swą otwiera
pragnie bohatera?
ot- -warte
po trzy tysiące sto osiemdziesiąte czwarte: nim zjawi się znów luty
będę miał przerzuty
mówi poeta: pójdę i chyba się zaleję
łzami, ale ona gdzieś tam czeka, pamiętam, otwarte, co mi tam poeta

Хадаа Сендоо

друг ДООСа
Уланбатор

Быть может, я подписался умереть другой смертью

Ветер дует на север
Унылые сухие деревья
Не потоки –
Тучи, мосты

Ночь, поле, луг
Под лунным светом сырного цвета
Хотя и более мягким

Земля
Несущая ревущих старателей
Как глаза сдерживают слезы
Удерживают их от падения

В моей жизни
Я многого и не ждал
разве что встретить диких коней в погоне за ветром
Быть может, я буду рад умереть другой смертью

* * *

Кто сказал, что у меня нет своего дома
говорю я себе
когда грущу

Кто сказал, что у меня нет своего дома
Мой дом – восходящее солнце
хотя сейчас оно хмурое
и холодное как луна

Кто сказал, что у меня нет своего дома
Мой дом – это стог сена
Кто кроме меня разворошит его
чтобы хорошо просушить?

Переложила топот коней в степи на русский
Татьяна Бонч-Осмоловская.

Просушила сено по-русски
Елена Капцова.

Валентина Боован Куукан

ДООС – волкозавр
Элиста

ПАМЯТИ ОТЦА

Чонас бишкнх ундг,
Чолунас бишкнх иддг
Чонахн

Я из рода свирепой волчицы,
«Чон» зовётся моя родня,
Здесь очерчены строго границы
Между «можно» и строгим «нельзя».
Предавайся безудержной страсти,
Но достоинство, честь береги.
Достигая всесильной власти,
О корнях своих память храни.

Пусть в кармане твоём ни гроша,
Не услышишь упреков: «Ты – нищий»,
Оставалась бы щедрой душа,
Удостоишься почестей высших.

Говорят, будто всё, кроме камня,
По зубам всем, кто родом из «Чон»,
Оседлать можем всех, но не волка,
Чтит волчицу наш род испокон.

Да, мой род Чоном-волком зовётся,
Но добрей и родней не сыщу,
Если в жизни мне туго придётся,
Я за помощью к Чонам пойду.

Мне внушает не страх – восхищенье
Этот серый разбойник степной,
Что его пред людьми прегрешенья,
Коль бесстрашен красавец лихой.

Жизнь свою я сверяю по Чонам,
Что ни слово – то личная честь.
Родовым наивысшим каноном
Не сотру я с достоинства спесь.

* * *

Оцепененье. Это волк
В двух метрах от меня,
И к горлу подступил комок,
И ватная нога.

Глаза ни добрые, ни злые
Смотрели на меня.
И мы безмолвно говорили
О том, что мы родня.

А волк, наверно, вспоминал,
Как в стужу для волчат
Мой дед барашка оставлял
Волчице. Был ей брат.

Мгновенье вечность поглотило...
Как он исчез, не помню,
Лишь сердце трепетно молилось
Легенде, ставшей былью, –
Праматерь рода моего
Волчицею была.

Андрей Чайкин

Запрещенное стихотворение (хвойная поэзия (SOSна и ёлки))

Это стихотворение можно читать как построчно, так и в нескольких других вариантах. Не следует забывать, что каждый вариант несет собственную смысловую нагрузку и не всегда представляет литературное произведение в традиционном представлении. В некоторых местах необходимо проявить фантазию и снисходительность, чтобы понять и простить автора.

Буква/цифра	А	В	С	Д	Е	Ф
1	боль	наказывает	слабовольных	за	отсутствие	веры
2	бомж	прорывается	домой	без	чувства	меры
3	водка	выгоняет	гостей	в	половину	литра
4	сеть	проглатывает	рыб	чтоб	ускорить	титры
5	тост	заканчивает	горько	с	поцелуем	брака
6	вместо	счастья	молодым	подарили	гордость	мака
7	солнце	светит	как	солярий	только	хуже
8	оказалось	что	назло	изменяет	жена	мужу

Вариант наивно-прозаический:

A2 B5 C1 C4 D2 C3.
F8 F1 D8 E8 F6 D5 E5 D3 F4.
A4 C6 C7 A7: B4 A1.
E1 F3 B3 A5 C2, A3 B2 C8.
E6 B1 E3 F5 D1 F2 D4 E4 E2.
A8, B8 D7 D6 A6 B6.
E7 B7 F7.
C5...

Вариант извинительно-ускоренный

[квадратные скобки указывают на то, что нужно читать не слово целиком, а только те буквы, порядковый номер которых стоит в этих самых скобках. Например F6[1,2] читаем не полностью «мака» а только «ма»]

E8 F8: A7, D6 E3E2, F7 E7 E1 F2.
C6 B1 A2: D4 B6 A6 C5.
C7 A8, A1 B2 D2 F3, –
D8, B3, B4 E6, B5 E5.
A3, C2!
C4 D3 D7,
C3 D3 A4,
A5 E4,
F4 D2 C1,
F6[1,2]D5F6[3,4] B7 C8[1,2] C8[3,4,5]...
D1 B8?

Вариант акцентно-расставленный

[Этот вариант необходимо читать с любым нерусским акцентом. Отсутствие пробелов между двумя составляющими строки указывает на то, что два слова из таблицы следует читать как одно. Например, F3A1 – «Литраболь»]

A5 D5 A3 D2 C3 – B6 A4. F3A1.
F8 D6 E2 D5 C6 E5.
E8 B3 C1 D1 E1 E6,
B4 F2, B1 C5.
B7, B8 A2.
A7 E4, D7 D3 E3. F1 B5.
D4 F4[1,2] F4[3,4,5] F5 A6 E2 D5 E8 E7 D7 A8.
B2 D3 C2[1,2,3] C2[3,4,5] C4C7[2,3] F7 F6C7[1].
C8.

Игорь Балюк

ДООС – украинозавр

САЧОК

мама не рассказывай
про послушных мальчиков
будто они не разбрасываются пазлами
и не ковыряются в носу большим пальчиком

это всё фантазии
непослушных девочек
они способны на такие безобразия
когда превращаются из куколок в бабочек

папа мне рассказывал
про таких вот девочек
и что в детстве он не разбрасывался пазлами
а мечтал иметь сачок

БУДЬ ИСТ

о бивень сельского буддиста
ты чист ты остр
и ты неистов
вонзаешься в лоб истины
в хребет
а на костях твоих младенствует тибет
на горестях
на йогуртных страстях
на молоке лохматой самки яка
окреп и вырос
многого достиг
но не постиг всей истины однако
в избе не избежав в конце концов и брака
от нас ушедши в мир и Ной
от насморка Ирака

* * *

пернатый огибая море
сказал о горе мне о горе
я чуял смрад не паханной земли
где девушку на каторгу вели
я обращал её к себе внимание
встречал в кокосе 10 видов знания
она шла гордо как на первое свидание
в её глазах жила любовь
она была ни в чём не виновата
но из её квадратного бушлата
ножом свисала жамканная вата
худые были ноги как и сапоги
когда я подлетел немного ближе
она подпрыгнув встав на лыжи
нашла хорунжего в Париже
и в космосе решила проживать

Ольга Филиппова

Каменск-Шахтинский

РЕБУС БЕЗ ПОЭЗИИ

(инэиж вєорII)

Фрегат

!!
!!

Покоя нет. А есть
аврал. Штормит
порой, смывая
за

борт матросов. Помнишь,
компас врал? Прокладывая
курс на запад, рискуем
налететь на риф, пойти
ко

дну в любое время. Надеждой
лица озарив, блеснут огни
святого Эльма. Прочертит молния
зигзаг, по небу пробежав. Горяч ты.
Ну,

что с того?

Трепещет флаг под ветра
свист и скрипы

~~~~~ мачты .~~~~~
~~~~~  
~~~~~


В ноябре наш автор – замечательный певец Эдуард Трескин отпраздновал юбилей.

Эдуард Трескин в роли Жермона в опере Дж.Верди «Травиата». Statni opera Praha (Прага, Государственная опера), 1995 г.

Эдуард Трескин

ДООС – баритонозавр

***

О, благородный Жорж Жермон!
Виновник драмы – нет, не он.
Но в том, что жизнь полна уродства,
Порой виновно... благородство.

Наталья Шематинова

ДООС – кинозавр

Competizione dell'Opera на Новой сцене Большого театра.

В Москве прошли полуфинальные и финальные этапы международного конкурса молодых исполнителей итальянской оперы Competizione dell'Opera. Этот год для конкурса юбилейный – двадцатилетие в гостях у Большого театра в Москве.

Финальной частью конкурса стал гала-концерт на Новой сцене Большого театра. Молодые оперные исполнители из разных стран демонстрировали свои голоса и артистизм в сопровождении Симфонического оркестра Большого театра под управлением маэстро Фабио Мастранджело.

Уроженец Бари, в разное время Мастранджело был главным режиссером Екатеринбургского театра оперы и балета, приглашенным дирижером Новосибирского академического симфонического оркестра, главным дирижером государственной филармонии Республики Саха (Якутия), Санкт-Петербургского государственного театра «Мюзик-холл». Также Мастранджело художественный руководитель международного фестиваля в Шайи-сюр-Армансон во Франции. Пианист, он начал карьеру дирижера с создания камерного оркестра «Виртуозы Торонто» в 1996 году в Канаде.

Сначала Competizione dell'Opera проходил в Гамбурге. Основателем конкурса считается музыковед Герман Рауз (на тот момент президент Гамбургской высшей школы музыки и театра).

Художественный руководитель конкурса – немецкий режиссер и музыкальный продюсер Ханс-Йоахим Фрай. Недавно он поставил в Москве оперу Штрауса «Ариадна на Наксосе». Премьера прошла в Камерном театре им. Покровского.

В 2001 году Competizione dell'Opera стал проходить в Дрездене, где Ханс-Йоахим Фрай возглавлял одно время оперный театр. Сам конкурс проводится в Саксонской государственной опере.

В состав жюри вошли именитые деятели оперного искусства: главный дирижер Государственного Большого театра Туган Сохийев, дирижер и профессор консерватории Санта-Чечилия в Риме Маурицио Чампи, директор оперной труппы Цюрихской оперы София де Линт, президент и дирижер Пекинской консерватории Фэн Юй, представитель Парижской филармонии Эммануэль Ондре, профессор Сеульского национального университета Инхе Ким, представитель оперного театра Чикаго Евамария Визер, исполнительный директор дворца Искусств в Будапеште Казель Чаба, оперный певец из Австрии бас Курт Ридль и представители мировых театральных агентств, фестивалей, вузов.

Призовой фонд конкурса составляет свыше 20 тысяч евро. «Конкурс открывает молодым артистам путь на международную сцену» – написано в программке гала-концерта, т.е. на разные мировые оперные площадки.

Во время гала-концерта со сцены звучали арии на итальянском языке. Музыка Верди, Моцарта, Леонкавалло, Беллини, Ф.Чилеа, Пуччини, Понкьелли, Генделя.

Когда ведущая концертной программы перечисляла регалии молодых оперных исполнителей, у слушателей не возникало сомнения в их профессионализме. Большинство из них уже достигли серьезных высот.

Например, на сцену выходит меццо-сопрано Мария Остроухова. Она обладательница множества грантов и премий. В 2015 году

солировала в «Колыбельной для принцессы Шарлотты», записанной совместно с оркестром Королевских Морских Пехотинцев к рождению правнучки Елизаветы II в качестве частного подарка для королевы Великобритании. Мария исполнила Арию Ксеркса из оперы Генделя.

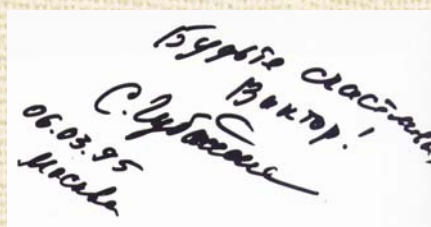
Грузинский Баритон Отар Накашидзе выступает на сцене Милана. Он солист оперного театра Кутаиси, сотрудничает с театрами Украины, лауреат многих конкурсов в Годьяско, Пезаро, Будрио, Александрии... Он исполнил Арию Тонио из оперы «Паяцы» и был отмечен жюри как лучший баритон конкурса Competizione dell'Opera. Особенно покорила всех присутствующих своим мастерством исполнения и артистизмом оперная певица из Цюриха Шелли Джексон – сопрано. Джексон восходящая звезда мировой оперы и лауреат международных вокальных конкурсов в Дублине, Филадельфии, Бирмингеме и других. Она финалист прослушиваний молодых певцов Метрополитен Опера. На гала-концерте исполнила Арию Недды из оперы Леонкавалло «Паяцы».

В финальной части гала-концерта прозвучало Интермеццо из II акта оперы Пуччини «Манон Леско» в исполнении оркестра Большого театра. Затем жюри обнародовало имена победителей. Задача выбрать достойного даже из финалистов, очевидно, была не из легких. Конкурсанты обладают разницей в возрасте около десяти лет и, безусловно, разным опытом артистической деятельности.

Голосом Competizione dell'Opera 2016 стала Елена Безгодкова. В этом году она окончила Московскую Государственную консерваторию. На гала-концерте Безгодкова исполнила Арию Джоконды из оперы Понкьелли. В заключение вечера конкурсантку попросили исполнить арию еще раз уже как лауреата конкурса. Это вызвало одобрительный смех слушателей в зале и самой артистки. Сложная ария Джоконды, требующая душевного напряжения, давалась артистке нелегко еще на репетициях. Второе место досталось Дарье Тереховой, которая уже не первый раз принимает участие в Competizione dell'Opera. Она исполнила арию Амины из «Сомнамбулы» Беллини.

Поздравляем!

В этом году юбилей у композитора-авангардиста Софии Губайдулиной, автора более 100 симфонических произведений, сочинений для солистов, хора и оркестра, инструментальных ансамблей, музыки для театра и кино.

Автор фото
Виктор Ахломов
ДООС – линзаавр

Автограф Софии Губайдулиной
на снимке знаменитого известинца.

Когда-то в баснословные 60-е прошлого века за этим звуком стояло жгучее ощущение запретного плода, он являл как бы некий дразнящий кукиш помпезно-мертвым полотнам – с вождями, генералами, доблестными доярками или пионерами – «Большого стиля», как некоторые ностальгали по империи клочков этот самый соцреализм.

И вот как-то меня с моей первой женой Софьей Губайдулиной (весьма известной потом и здесь, и на Западе композитором) занесло на Исландскую выставку в Пушкинский изо-музей. Она тогда училась в Московской консерватории и активно искала в музыке новых выразительных средств – у Арнольда Шонберга, Веберна, «безродного эмигранта» Стравинского...

Я увлекался Андреем Белым, Блоком, потом ранним Пастернаком... Мы оба с острым интересом относились к нашей новой, «подземной» и западной авангардной живописи.

И как-то мы с ней забрели в Пушкинский на небольшую выставку со странными картинами и именами. Выставка стараниями удивительной директрисы музея Антоновой прибыла из Исландии.

Бог весть уж какая страна, на краю ойкумены, редко населённая, но богатая весьма необыкновенной природой, поднятая из океана силой вулканов – прорывами лавы, шипящими гейзерами... А имена художников – Снорри Стурлусон или какой-нибудь Уве Харалдссон не вдруг прочтешь! – и все потомки викингов, но живопись, живопись! – из каких-то летящих голубых, белых параллелограммов, «чайковидных» мазков, еще каких-то пятен, разных просвечивающих друг сквозь друга пространств и, в общем, никаких «человеческих» фигуративных моментов!

И я тут же самонадеянно стал импровизировать,

объясняя все это увиденное и себе, и иным, хлопающим глазами из публики.

– Смотрите, смотрите! – это же, ну скажем, музыкальная передача пейзажей этой страны, впечатлений от нее, но не в лоб, а обобщенно: вот, будто носы лодок, краски северной воды, неба, линейчатые занавесы полярных сияний, а это вроде бы травы меж базальтовых клыков застывшей лавы... дельтовидные силуэты рыб... Да, это же как бы красочно звучащие имажи, окна, это же страна, впечатления жителей страны этой!..

Бездна лет прошла с той поры, а помнится.

И это было первое моё столкновение с настоящим абстрактным искусством, привезенным из далекой, в общем, окраинной европейской страны. В то время, как тут же, в подвале, в запасниках того же музея хранились шедевры Кандинского, Малевича, Эль-Лисицкого, Татлина – гигантов начала XX века, первыми в мире начавших эту революцию в искусстве... Но, увы, к ним и за сто миль нас не подпускала родная Советская власть!

...Ударил в мозги хрущевский знаменитый доклад на XX съезде компартии. Разговоры, словесные сшибки мнений, страхи – а что дальше? Что-то двигалось, рушились какие-то догмы, проклипались какие-то надоевшие авторитеты, фамилии... Возникли новые поэты, заполнялись стадионы жаждающими стихов о сегодняшней жизни, о недавнем жестоком прошлом.

Притягивала новая живопись – наглядностью, ярким разрывом с привычным, новыми откровениями. Она вытарчивалась над обыденностью, опрокидывала бетонный колпак дота Совдепии, отворяла свет... Она, в отличие от литературы, не нуждалась в переводе, и иностранцы скупали ее и распространяли по миру.

Фотографии 50-х годов из личного архива Марка Лянд

София и я на веранде дома в Томилино.

Художники прорывались, по существу, к революционной авангардной традиции начала XX века – к Малевичу, Кандинскому, Шагалу, к мастерам «Бубнового вала», «Амаравеллы», «Голубой розы»... К иконе и русскому лубку.

...Я же, страстно тяготея к «сочинительству» и к сочинителям, занимаясь, однако, тогда геологией; надолго уезжал в тайгу или в казахские степи... Отрывался от московской жизни, настроений богемы...

Зато сидя где-нибудь на таежном пне осенью, среди великого покоя, когда не было уже комаров – пытался что-то сочинять в стихах или в прозе. И записывал все это в геологическую записную книжку, которые выдавали нам для работы, – удобная была вещь!.. Много их у меня скопилось потом. Когда же возвращался в Москву, жадно вцеплялся во все новое.

Как-то наш приятель Анатолий Леонтьев, поэт и тоже геолог, муж подруги С. Губайдулиной, музыковедки Оксаны, рассказал нам про подмосковное Лианозово, где он жил до женитьбы в бараке, и про сообщество «барачных» поэтов и художников, сложившееся вокруг носителя культуры «Серебряного века» – старого художника и поэта Евгения Кропивницкого.

«Вчера у Сокола / Дочь мать укукала / Причина: дележка вещей / Теперь это стало в порядке вещей», – процитировал он нам острый и странный стишок Холина, одного из представителей этой группы. И мы двинулись в Лианозово. От узкой, без навеса, открытой ветрам платформы побрели куда-то сквозь талые – дело было, кажется, в марте – снега, вдоль присевших за кривые заборики изб, к длинным сероштаным каким-то баракам, покрытым разбухшей и обваливающейся штукатуркой, но с признаком цивилизации второй половины XX века – частоколом устремленных крестами в небо телевизионных антенн, напомнивших вдруг некое воздушное кладбище!..

И вот мы входим в один из барачков. Темный коридор. Тусклая лампёшка в жестяной воронке абажура. Стучимся в какую-то дверь. Анатолий назвал себя. На пороге открывшейся двери восстал высокий, худой, чуть лысоватый человек

с немного старообразным лицом, в тонких очёчках с маленькими овальными стеклами, похожий на учётика или бухгалтера.

– Оскар, – представился он.

Это был Оскар Рабин, художник неконформист, ставший потом широко известным, ныне давно уже живущий в Париже. А тогда... одна или две комнатки в бараке с дешёвенькими голубоватыми обоями. Невзрачная мебель... Неожиданным контрастом с ней выглядел старинный резной шкаф из темного дуба, доставшийся, может быть, от старинного семейства Кропивницких?

Пригласил садиться. Мы достали бутерброды с колбасой, сыром. Традиционный, для интеллигенции, портвейн «Кардахи», а, может быть, и «Три семерки»... Выпили для знакомства, закусили. Жена Рабина, тоже художница, дочь лианозовского «патриарха» Кропивницкого принесла чай.

И вот началось главное: Оскар стал показывать работы. Мы погрузились в созерцание. Что это за жуткий барачный мир? Или какое-то инопланетное зазеркалье? Мазаные бурыми и желтыми какими-то «досчатыми» мазками монументальные помойки.

Башенно, вроде домны или ректификационной колонны, возносящаяся над барачными кровлями и крестами антенн бутылка водки, уже какая-то мистическая, с надписью по зеленой этикетке «Московская»...

Гигантская желто-зеленая сельдь, лежащая поперек какой-то площади... Звероподобные, выше барачков, мохнато-таежные и в тоже время какие-то египетские, вроде сфинксов, задумавшиеся коты и словно бы проламывающееся в тускло-желто-серый воздух и атомным пузырем или медузой освещающее этот сюрреальный мир – солнце...

Вот он выносит холст, на котором изображены истоптанные по дорогам этого мира, когда-то, наверное, чешские, фирмы «Батя», башмаки с распущенными шнурками, лежащие на фотографически скопированной газете с надписью «ПРАВДА». Ну да, вы угадали, это – от Ван-Гога!

Еще холст и, тоже на газете с этим сакраментальным названием, лежит раскрытый на первой странице паспорт с

тусклым пятном фото и в графе национальность надпись: латыш, а под ней, в скобках – еврей...

А ниже запись: Место смерти – Под забором. В Израиле.

Что же он хочет сказать нам этот непонятный парень, латыш, в скобках – еврей?..

Ну, да, да – это все называется, наверное, сюрреализмом или экспрессионизмом, но на наш российский манер, мир, перекошенный, как в белой горячке, или после атомного взрыва, молящий о спасении крестами антенн некоего Телебога что ли?

Мир – реально невыносимый для чувствующего человека с воображением и огромным талантом, а мы просто не хотим видеть этого мира реальную суть?

В бездну ли люк?

Призрак ли ВИЧа

Явлен земле –

Квадрат Малевича...

Явлен в начале ?

В конце ли мира –

Черной дырой

Квадрат Казимира.

София в Заволжье под Казанью, где мы часто бродили.

ТЕРЦИНЫ

Ну что ж здесь точный точечный размах
И в пиксели войдёт твой образ
Геометрический подсчёт в полутонах

У рук энергия броска стальная кобра
Когда прикованный к галере Бах
Бежишь через педалей вытертые рёбра

Я не отказываю музыке в правах
Я вижу дальние миры там Мальта
И город смерти спрятанный под прах

Среди цивилизации асфальта
И ты вздымаешь звуками века
Орган поёт божественным контральто

И сильная и нежная рука
Меня влечёт в подземный Гипогей
Я вижу мальчика и вижу старика

ГРИГОРИАНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Узнает до а может после
Как бы увидит все воочию
Вода венец и этот ослик
Эфедра душиной влажной ночью
И параллельный мир не знаем
Как сон перетечёт во сне
Вниидет в Иерушалаим
Тот долгожданный на осле
Он матери прошепчет милая
И слоги в нужные ей строки
Душа как ангел шестикрылая
Прольёт сквозь слёзные протоки
Она почувствует вдруг срезанными
Как будто ноги по колена
И выступит слеза на миг
Кристалл и боль одновременно
Прицелят копьёцо в очко
Чтоб из меридиана тела
Росы седое облачко
К молочным хлопьям полетело
Тогда опять прошепчет бедная
В котором снова веке было
Уже и чувствуя и ведая
Что предсказанье наступило

Ирина Бессарабова

ДООС – muvi-стрекоза

«... ЧТОБ ПЕРЕВЕРНУЛСЯ КАК-НИБУДЬ ВЕСЬ МОЗГ В ГОЛОВЕ И РАСПОЛОЖИЛСЯ ПО-НОВОМУ»

Ф. М. Достоевский
«Униженные и оскорблённые»

Пришлось закончить съёмки, потому что резко стемнело. Нам нужны были натурные планы (кадры) поздней осени, мы отправились за ними в далёкое подмосковье. Мы были втроем – две подруги и наш приятель. Давно уже съёмочные группы в документальном кино сократились до минимума. Трое – это даже многовато по нынешним временам. Есть одиночки. И у некоторых из них получается сделать фильм только своими силами.

Мы затеяли кино о литературе. Тема и герои нашего фильма – это то, что не хотелось бы пока открывать: работа продолжается.

Поразительно, что природа, как мы убедились, гораздо глубже связана с творчеством, чем мы сами. И она со спокойным достоинством нам это доказывала.

На каждом шагу в этот съёмочный день я припоминала слова одного из западных исследователей творчества Александра Сокурова, Йоса ван Дер Бурга, писавшего о мучительном противопоставлении человека и природы в фильмах нашего мастера. Я буквально всем существом своим почувствовала незримо присутствующую тюрьму, образ, некогда поразивший меня в статье ван Дер Бурга.

Вернувшись домой, я нашла эти слова. Они касаются фильма «Одиноким голос человека», снятого Сокуровым по рассказу Андрея Платонова «Река Потудань». Вот они: «В великолепных кадрах Сокуров показывает ландшафты, столь гармоничные, что их противопоставление человеку становится почти мучительным. Иногда даже кажется, что Сокуров обвиняет эту красоту. Он как бы спрашивает себя, как природа может быть такой недоступно прекрасной, в то время как человек продолжает упорно трудиться в полной нищете? Это то же самое недоумение, которое могут испытывать люди, когда они в диктаторском государстве встречают наполовину скрытую в прекрасном ландшафте тюрьму, в которой пытаются и убивают. Или то, что могут почувствовать люди при посещении нацистских лагерей: умиротворяющий шелест деревьев вблизи Освенцима. Ландшафт как бы признаётся соучастником ужасов».

Я перечитала эти строки дома.

Само возвращение домой было связано с небольшим, но не бессмысленным происшествием, о котором я расскажу немного позже.

Следовало как-то успокоиться по прочтении такого текста. У меня не было сомнений, что эти слова касаются каждого из нас. Из нас, людей. Мелькнула мысль, что не так уж мы и боимся упорного труда в полной нищете, что как-то нам это знакомо. Я подумала прежде всего о России. Просто мы её

лучше знаем. А вот упоминание о полускрытой в прекрасном ландшафте тюрьме и особенно – слова об Освенциме, требовали какого-то движения в сознании, чтобы не впасть в отчаяние. Вспомнились слова гениального Пауля Целана «Смерть это немецкий учитель» из его «Фуги смерти», где он умудряется изобразить то, о чём невозможно сказать.

Боль от текста может уврачевать только текст.

Я перебирала в памяти детали нашего происшествия (о котором – позже), и одно из объяснений тому, что случилось, нашла в очевидном. Это произошло с нами в ноябре, на зыбкой, размытой границе между поздней осенью и зимой...

В этом ноябре – 195 лет Фёдору Михайловичу Достоевскому. Любимый роман (прочитанный первым, прежде всех остальных) – «Униженные и оскорблённые». Словно некая дуга вдруг замкнулась: Достоевский, Платонов. После точки как живущий – Сокуров.

Униженность – такое родное и близкое состояние многих платоновских героев, что персонажи Достоевского воспринимаются как их родственники по восходящей линии. И все они – наша большая родня, покрытая первым ноябрьским снегом истлевающая семья, чьё горячее сердце не умрёт никогда.

А теперь – слова Александра Сокурова о времени, из которого мы вышли, ставшем для нас общей родиной (конец семидесятых годов XX века): «В годы ВГИКа я понял, что никогда не скажу ни одного слова благодарности тому времени, когда я был унижен, и я никогда не скажу слова благодарности этому жизненному опыту, который был унижение». Конечно, не все отзовутся о времени своей учёбы (даже и в тот исторический период) такими словами. Режиссёры разные. Писатели разные. А время, как «неразменное небо» (Иван Жданов) – одно.

Огромное поле, поросшее сорняками, и изогнувшийся дугой тёмно-фиолетовый, чернильный лес представляли собой некую сцену, на которой постепенно исчезало освещение. И все участники действия – и деревья, и жёсткие травы, и само небо – разбегались в чёрные бархатные кулисы ночи, не оставляя в поле зрения ничего.

Кино и литература уже больше ста лет пребывают в нескончаемом объятии, доказывая миллионам читателей и зрителей, сколь плодотворна такая любовь-ненависть. Фильмы, которые кому-нибудь не нравятся, иногда обвиняют в излишней литературности. А в самой литературе существует незримая, но ощутимая граница между высоким мастерством писателя и... менее высоким и (как ошибочно кажется многим) прикладным и служебным – сценариста. Но пока суд да дело экран учится у книги её многомерности, а книга у экрана – новому языку.

«Униженные и оскорблённые», этот роман – предвосхищение будущих великих романов Достоевского, как известно, вызвал критику некоторых влиятельных литераторов, в частности, Николая Добролюбова. Перечитывать их сейчас – сплошное умиление и тихая радость! «Где причина всех этих диких, поразительно странных людских отношений?» – восклицает критик. И продолжает ещё забавнее: «Мы знаем, например, как Чичиков и Плюшкин дошли до своего настоящего характера, даже знаем отчасти, как обленился Илья Ильич Обломов. Но г. Достоевский этим требованием пренебрёг совершенно». Смысл недоумения критика, как нетрудно догадаться, таков: непреложное требование реализма – объяснять характер человека социальными условиями.

Слава Богу, что господин Достоевский больше, чем общественной жизнью человека, был поглощён его природой, его душевной и даже (не побоимся этого дискредитированного слова) духовной жизнью.

Полная темнота, обступившая нас, троих киношников, была главным эффектом сегодняшних съёмок. Внезапная и полная потеря света, цвета, объёмов явила другую реальность – более кинематографическую, чем та, которая могла бы быть запечатлена на плёнке, вернее, на карте памяти видеокамеры. Имя такому явлению есть – обесцвечивание. Мы искали обесцвеченное изображение, добивались его», – говорит человек, весь облик которого неотделим от самой сути кино. При разговоре с ним, видя его глаза, понимаешь, что большую часть своей жизни он смотрел на мир через таинственные линзы кинокамер. Оператор многих фильмов Александра Сокурова, в том числе – первого его игрового – «Одинокое голоса человека», оператор картин ещё одного режиссёра из немногочисленной плеяды, представляющей «авторское кино», – Андрея Эшпая, он умеет добиваться огромным трудом того, что с таким скрытым изяществом постоянно проделывает природа. Имя этого оператора – Сергей Юризицкий.

В крошечной тьме, прервавшей нашу съёмку, я вспоминаю недавний показ фильма Андрея Эшпая «Униженные и оскорблённые» в московском киноклубе Эльдара Рязанова «Эльдар». Фильму четверть века, он был снят, когда Фёдору Михайловичу исполнялось 170 лет. А что значили прошедшие с 1991 года двадцать пять лет для каждого из нас, это все мы неплохо помним. Хорошо, что рядом с нами на полке, на столе, на мониторе компьютера всегда был Достоевский...

Обесцвеченное изображение, найденное Сергеем Юризицким, звучало абсолютно современно.

Удивительный фильм, снятый в сумасшедшее время, по роману, описывающему «дикие» отношения между людьми. И роман, и фильм – на все времена.

Создатели фильма по роману Достоевского могли бы повторить вслед за писателем: «Никогда романисту не представить таких невозможностей, как те, которые действительность представляет нам каждый день тысячами, в виде самых обыкновенных вещей... То, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного».

Наташу Ихменеву в фильме Андрея Эшпая играет Настасья Кински, дочь великолепного актёра трагического и inferнального амплуа Клауса Кински. Такое это было время – начало девяностых годов прошлого века – в России. Казалось, можно всё. Например, пригласить на съёмки российского фильма мировую мегазвезду. Кажется невероятным, но Настасья сама нашла Эшпая, узнав, что режиссёр собирается ставить фильм по её любимому писателю Фёдору Достоевскому. Достоевским восхищался всю жизнь и её отец, назвавший дочку именем Настасьи Филипповны из «Братьев Карамазовых».

Настасья Кински оказалась настолько изумительной Наташей, что впору советовать школьникам и студентам сначала смотреть фильм, а уж потом читать Достоевского, причем не только «Униженных и оскорблённых», но и все другие романы.

Ошеломлённым искренностью, иступлённой честностью и утончённой красотой Настасьи Кински в роли Наташи Ихменевой молодым людям не останется другого выхода, как обратиться за разъяснением этого чуда к первоисточнику, то есть роману великого писателя. А нам, так сказать, взрослым, – только этого и надо! Юные берутся за классику: нередко подобное просходит после потрясения от увиденного на экране.

А проглотим, что романские и экранные страсти всерьёз задела и судьбу съёмочной группы, и, прежде всего, самой Настасьи. Ей пришлось пережить развод с Ибрагимом Мусой, бывшим в то время её мужем и... продюсером фильма. Муса (сказалось, видимо, его восточное происхождение), в результате бракоразводного процесса, запретил показ картины,

заперев её в сейфе на долгие шесть лет (несколько больше, чем Фёдор Достоевский провёл на каторге). Именно поэтому мы не увидели этот прекрасный фильм вовремя, и широким зрительским кругам он мало известен. А как переключалось время создания фильма с тем, что описал Фёдор Михайлович! Устами инфантильного Алёши Валковского, возлюбленного Наташи Ихменевой, его и сейчас можно охарактеризовать так: «Мы говорим о гласности, о начинающихся реформах, о любви к человечеству, о современных деятелях; мы их разбираем, читаем». И происходит всё это, как и во времена Достоевского, как и в начале девяностых века двадцатого, так и сейчас... «в тёмных, потаённых закоулках огромного города, среди взбалмошного кипения жизни, тупого эгоизма, сталкивающихся интересов, угрюмого разврата, сокрытых преступлений, среди всего этого кромешного ада бессмысленной и ненормальной жизни», по вещему слову писателя.

Теперь о происшествии после прерванной внезапной темной съёмки. Мы уже направились к Москве в легковой машине нашего оператора, как вдруг угодили в неожиданную и зловещую ловушку. Никакой проезжей дороги не было, мы ехали наугад и оказались в глинистом месте, затопленном то ли болотной жижей, то ли не впитавшейся землёю влагой давнишних дождей. Мотор жалобно взревел и осёкся. Машина застряла. Мы выскочили из неё и с ужасом обнаружили, что передние колёса нашего изящного средства передвижения очень медленно, но неминуемо погружаются вглубь глинистой западни. Не с такой, конечно, скоростью, как автомобиль героини фильма Хичкока «Психо» (еще одно киношное воспоминание!), но неминуемо. Жилые дома были от нас не слишком далеко, но в них уже погасли огни. Наши мобильники почти сразу разрядились на холоде. Мы не могли даже погреться в машине, так как боялись своим весом загнать её ещё глубже. Мои друзья взялись освобождать колёса, раскапывая мокрую глину какими-то подручными средствами. Я держала в руках маленький осветительный прибор – единственный оставшийся у нас источник света. Нам трудно было предположить, как долго продлится наш плен, эти холодные застенки темноты.

...Конечно, более циничного человека, чем князь Петр Валковский в «Униженных и оскорбленных», и вообразить трудно. В фильме его играет Никита Михалков. Играет феерично, талантливо. Некоторые критики считают, что это лучшая роль Михалкова. Страшно читать реплики князя в романе, но сто раз страшнее слышать их в исполнении Никиты Сергеевича. Его Валковский любит своей сатанинской силой. Эта отвратительная персونا наслаждается возможностью безнаказанно унижать людей. «Люби самого себя – вот одно правило, которое я признаю... Нас таких легион, и нам действительно хорошо. Весь мир может куда-нибудь провалиться, но мы всплывём наверх».

Андрей Эшпай вспоминал, как на съёмках Никита Михалков добавлял некоторые штрихи образу князя, не предусмотренные сценарием. Например, после разговора в ресторане писатель даёт пощечину князю. Такая сцена была прописана для актёров. Но Никита Сергеевич во всех дублях отводил удар и не дал себя ударить по лицу. Несмотря на сценарное и режиссёрское решение, Михалков твёрдо сказал, что не может позволить себе принять удар...

А вот в сцене с Настасьей Кински, когда неистовый темперамент актрисы превзошёл предусмотренные ролью действия, Никита Михалков всё-таки получил от неё удар по руке. Валковский – или Михалков? – был возмущен и вскричал: «Она меня ударила!» Ничего подобного в сценарии не было, но в фильм вошёл именно этот дубль...

Ещё один красноречивый штрих и времени, и характера

Никиты Михалкова: от гонорара он отказался, и на заработанные им деньги были куплены одноразовые шприцы для детской больницы.

Как по тёмным и холодным петербургским дворам в «Униженных и оскорбленных», ходили мы втроём – наша съёмочная группа – от дома к дому в глухой деревне, до которой долго шли пешком, чтобы найти помощь и вытащить машину. Но никто не откликнулся, не открыл ворота или окно. Мы повернули назад, когда загремела цепью огромная собака, оглушив нас своим лаем. Тогда мы ещё не знали, что на холоде проведём почти семь часов.

А ещё вспоминался в ту ночь платоновский Достоевский из «Чевенгура». Нелепый персонаж, присвоивший себе имя великого писателя. С благородной целью – увековечить гения.

«Красота спасёт мир», – раз и навсегда определил невероятную ответственность красоты по отношению к мирозданию Фёдор Михайлович.

В XIX веке величайшим образцом красоты вся русская классическая литература, от Карамзина до Достоевского, считала «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля.

Германия, Дрезденская галерея, XX век, год 45-й...

Но ещё раньше, почти на два десятилетия, Платонов влетает – в «Чевенгуре» – Рафаэля в русскую трагедию: «Командир лежал против комиссара и тоже спал; его книжка была открыта на описании Рафаэля; Дванов посмотрел в страницу – там Рафаэль назывался живым богом раннего счастливого человечества, народившегося на тёплых берегах Средиземного моря. Но Дванов не мог вообразить то время: дул же там ветер, и землю пахали мужики на жару, и матери умирали у маленьких детей».

...В конце 2016 года мы смотрели на рафаэлевскую «Мадонну Грандука» в Музее изящных искусств им. Пушкина в Москве. Рядом с живописным шедевром, разделённый с ним картиной «Экстаз святой Цецилии», был размещен карандашный эскиз к «Мадонне Грандука». Если сравнить эскиз и окончательный вариант, нельзя не заметить: Мадонна становится печальнее, сосредоточеннее, она не просто поддерживает Младенца, но пытается защитить Его. Сколько же мужества нужно красоте, чтобы спасти мир!

...Глина словно стиснула челюсти, поглотив нашу надежду вернуться домой этой ночью. Случайный путник, увидевший издали свет фонаря в наших руках, сумел нам помочь. Он подошёл к нам, хромая, словно раненый Дванов из «Чевенгура». Может быть, ему тоже когда-то попадалась книжка с описанием Рафаэля?

Он был пьян, но не очень сильно, не страшно. «Я тут побуду с вами, пока мозги правильно встанут, и придумаю, как вас вытащить», – сказал незнакомец.

И мы подождали немножко, ведь это так важно, чтобы в нужный момент «перевернулся как-нибудь весь мозг в голове и расположился по-новому», как рассуждает Иван Петрович в романе Достоевского «Униженные и оскорбленные».

Наш спасатель отправился в деревню, где его знали, где ему открыли, пригнал выносливую «Ниву» и, пусть и не сразу, умудрился вытащить нашу машину с помощью вчетверо сложенного троса.

В три ночи я оказалась дома. «Униженные и оскорбленные» были открыты на последней странице третьей части. Она заканчивалась такими словами: «Был третий час утра. Шёл дождь, ночь была тёмная». Рядом – книга о Сокурове... «Мучительное противопоставление человека и природы» требует всё новых и новых воплощений.

И ПРИХОДИТ РОЖДЕСТВО...

Перевела с испанского Любовь Саломон.

Из повести «Другая реальность»

*... Ангел Господень явился ему во сне и сказал:
Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию,
жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа
Святого. Родит же Сына, и наречёшь Ему имя:
Иисус, ибо Он спасёт людей Своих...*

Мф. 1:18

*Только там, где есть могилы, могут быть вос-
крешения.*

Нищие

*И Рождество будет Рождеством, только если
мы понимаем как РОЖДЕНИЕ...*

Приходит Рождество и в наш приют.

Душевнобольные приготовили ёлку и ясли Младенца.

Они украсили зал, куда я тихонечко пробираюсь, но чувствую, что своим присутствием оскверняю атмосферу чуда, принадлежащего только им.

Эта ночь будет особенной.

Пациенты осторожно выползают из своих нор, ещё сонные; им уже не нужны часы, чтобы отмерять их время.

По просьбе врача все одеты по-праздничному.

Покорность и тихое бунтарство, смирение и ожидание, томление и терпение, ненасытность и слабование, - их расплывчатые очертания блуждают по лабиринтам сознания.

Молоденькая нянечка расставляет по столам тарелки; ложка как единственный прибор, бутылки с водой и пластиковые стаканы свидетельствуют о предстоящем праздничном застолье.

На голове у Роситы шляпка её матери.

Бабушка Эма, с подведёнными сине-фиолетовыми тенями глазами и ярко накрашенными губами, ждёт свою сестру. Этой ночью они устремятся за Миражом. На тайное свидание с двумя молодцами.

Появляется Марио, бережно обнимающий свою возлюбленную – гитару. Из неё он извлекает звуки, которые, как всегда, всех веселят. У гитары повреждена одна струна, он её целует, она снова обрывается; ритуал повторяется один и тысячу раз... а он не может понять, что её нельзя преобразить поцелуями.

Я тоже не могу. Поэтому настаиваю продолжать.

Любимая не должна сопротивляться такому искреннему поклонению.

Хочу, чтобы Медрано тоже был с нами.

Делаю попытку, прошу, умоляю. Беру на себя ответственность, могу.

Зажигаю свет в палате и спрашиваю, хочет ли он присоединиться к нам. Легко догадываюсь, что паралитик согласен.

И начинаю действие, священнейшее на Земле: освобождение. Я развязываю ремни, извещаю Медрано от насилия.

Одеваю его, поднимаю и прошу позволить себя вести.

Так. Так. Сначала одна нога. Потом другая. И плечо поддерживает его тело, которое в два раза тяжелее моего. Сначала одна нога. Потом другая. Это путь.

Прежде чем войти в столовую, где все ждут, вывожу его в патио и говорю:

– Смотри, Медрано, смотри! Этого не украсть у тебя. Подними глаза.

Там небо и луна будто из белой муки – одна для всех:

здоровых и больных. Распахни глаза.

Открой рот, чтобы твои лёгкие наполнились запахами и зеленью.

Его парализованной рукой церемонно срываю цветок.

– Сейчас да, иди, входим...

Усаживаемся со всеми, чтобы участвовать в трапезе.

Стаканы, полные хлебных крошек, слюнявые рты, руки, крошащие еду. Обсуждается угощение – вода, еда, – и каждый вслух предаётся воспоминаниям, не обращая внимания на других.

Приходит Алисия, на взгляд нормальных людей совершенно обнажённая.

Чувствую необходимость открыть в себе лучшего на земле модельера. Ищу простыню. Объясняюсь на нашем санскрите. Алисия понимает и поднимает руки.

Её тело – слабый колосок. В своем подобии тоги она становится похожей на древнюю римлянку. Или на греческое Божество. И так, в тоге из полиэстера, появляется на празднике.

Собрались все. Все.

Разрезаю праздничный кекс на мелкие кусочки и подношу их один за другим ко рту Медрано. Он благодарит меня своими горящими глазами.

И я, не самая здоровая из присутствующих, не знаю, как ответить на эту благодарность.

Поднимаем стаканы с водой за жизнь!

Марио выкрикивает песню. И другую. И ещё одну.

Ночь умирает.

И все с открытыми ртами ожидают лекарство.

Хотела бы, Господи, размножиться, чтобы одновременно пребывать в каждой убогой постели.

Праздник закончился.

Наркотическая тишина одурманивает сумасшедший дом.

Не хочу. Но должна уйти. И единственное, что меня утешает: уход будет первым шагом к возвращению.

Больничный коридор тюремными тисками сковывает мои шаги, направленные к выходу.

В последний раз задерживаю взгляд на яслях Младенца и, не знаю почему, вдруг ясно осознаю, что Христос посреди нас.

Мы празднуем Рождество.

Мы восхваляем Рождение.

И я иду, обливаясь исцеляющими слезами, потому что сейчас, тут, в этом городе мёртвых родился Господь!

Любовь Саломон

КАНУН РОЖДЕСТВА

Всё укутано снегами.

Смотрят детскими глазами

На земной покой с небес

Звёзды. Тих застывший лес.

Ясноглазой пани речи, –

В них шуршит шелками вечер.

Зябнут плечи. Нежен взор.

За окном – полей простор.

Зажигают в доме свечи:

Ждут Младенца... Дремлет кречет

В лунном свете – тоже ждёт

Возвестить, что Царь грядёт!

2015, Радом (Польша)

Анатолий Устьянцев

Тверь

ШАРФ ФИЛОНОВА

Не имея денег,
        чтобы купить в подарок жене
        даже яблоко за 20 копеек,
художник расписал ей шелковый шарф
        анилиновыми красителями,
работая полтора месяца
        изо дня в день по 16 часов.
Один конец шарфа получился земным,
        другой – небесным.
Такого шарфа больше нет нигде в мире.
И не потому, что каждый цвето-атом
Был создан только одной точкой-касанием и пр.
И даже не потому,
        что простой шарф стал шедевром.
А потому что любовь,
        равная таланту, –
Это – каждый раз –
        новое мироздание.

Владимир Аристов

доктор физико-математических наук

* * *

Следил ты
Как малый кораблик
Обходит контур
Ночного тела твоего
Нигде не споткнулся
Не пренебрег темнотою
Но описав голубой кругосветный очерк
Оставил в памяти чудесную книгу
        Которую лишь осталось открыть

МОЛЕНИЕ

Две веточки вен
        одинаковых
на руках скульптуры Скровеньи

* * *

Воды Яузы
Июньский мост
Я помню Янцзы
Октябрь или сентябрь, Нанкин

НАКАНУНЕ ЛЕТА

Две седые фигуры в белом
        впереди в отдаленьи
Медленно преодолевают длину

* * *

Спор отдаленный
Обида на родителей
Как отголосок рухнувшей грозы
Все это в миг неоконченный рассыпалось
И не собрать осколки и следы

* * *

Сколько книг сгорело в огне перемен
Назовите число
И «Мимезис» Ауэрбаха
И сама «Ицзин», то есть «Книга перемен»

* * *

Почти все нестройной толпой
Как с вершины холма
Сошли с ума
Он один на вершине ума
«Помоги, сват Наум!» –
Только это приходит на ум

Николай Ерёмин

ДООС – никозавр

Красноярск

***

Уничтоженные

Строфы

Под влиянием Луны

Ожиданьем

Катастрофы

В ночь тревоги рождены...

Слава Богу! –

Солнца свет

Брызнул – и тревоги нет...

***

Мне Страдивари

Скрипку подарил...

А Паганини научил играть...

И я мелодий столько породил,

Что к ним одна лишь рифма –

Благодать...

Войди,

Скачай в формате MP3,

Включай, засни –

И слушай до зари...

2016

ВО ВРЕМЕНИ

По стихам вернуться в прошлое,

Чтобы с помощью

Поэзии

Вытеснить из сердца

Пошное

И для жизни бесполезное...

Сохранить из строчек – лучшие,

Чтоб по ним

Проникнуть в будущее...

2016

Валентин Никитин

ДООС – теозавр

ПОКЕМОНЫ... ПАРАДИГМА ИГР

Тетраптих

1.

виртуально наше время:

миг авральный! –

и в экстреме

жаждешь зрелищ,

будто хлеба:

манну чуда –

прямо с неба!..

оттого не шармом жён –

ты игрой

приворожён!

в ней флюиды чародеев

привлекают ротозеев:

динь-дон!

зов-звон! –

и в смартфоне покемон...

ростом мал,

на вид так прост,

разудал

карманный монстр! –

он с отмычкой –

в замок...

а тебе и невдомёк!

покемоны, покемоны

как они бесцеремонны!

ими кляты и закляты

в твоём доме все углы,

и на карты пересняты,

чтобы не были круглы!

от тебя в секрете

бесенята эти

перешлют куда-то

все координаты...

2.

прыгают из окон,

чтобы полетать

по пунктирным строкам...

как их увидеть?!

прыг-скок! – прыг-скок! –

вбок и вниз,

наискосок!

будто чебурашки...

их игра – пятнашки!

будешь ею оболещён –

станешь сам как покемон!

он лязгучик, он и тать! –

лучше, круче не сыскать!

эти странные зверьки

неуклюжи... и ловки!

дикие, ручные,

кажется не злые –

по своей природе

оборотни вроде!

так неугомонны,

эхма! –

покемоны...

будто ваньки-встаньки

в цирковой болтанке,

в цифровой болванке –

электронном гроте...

ищите? –

найдёте! –

водяные,

травяные –

третьи,

первые,

вторые! –

3.

ты подвергнулся гипнозу,

если ощутил занозу

в кости лобной

и височной –

будто в скважине замочной...

встрепенись! –

не жёсткий тромб ли?

покемон – прививка зомби!

духом злым заморожен,

зришь в айпад,

как охломон...

тренер мастеру под статью,

но для них творцом

не статью;

ум легко

азартом стронув,

супостат сокрыл подвох:

ловля бойких покемонов –

вроде ловли

мелких блох!..

4.

но клиентов на приманки

привлекают бары,

банки...

ищут всюду покемонов,

даже тайно

в синагогах...

завтра будут и в мечетях,

кирках, храмах –

тех и этих!

послезавтра на заре,

может быть,

уже в Кремле!

ясно, что из ЦРУ...

ясно! –

надо быть Царю...

не осилить покемонам

правой веры бастионы!

бесенята, бесенята! –

не собрать,

изгнать их надо! –

за святую Русь молясь

и крестом благословясь...

вон отсель! – изыди вон!..

ты ничтожен, покемон!..

Геннадий Юшко

ДООС – стреколёт Калининград

Прелюдия к маршу «Прощание славянки»

Табурет вместе с полом – волнами,
или это
раскачалось тело,
или сердце, когда-то смелое.

Этажом ниже: крайний подвал,
оттуда кровь глотала Нева,
оттуда

в реку стекали
 бывшие жизни
 вместе с фекалиями,
 поэтому пол
 всегда качался
 без перерыва хотя б на час.
 Без перерыва молола машина
 поэтов и маршалов
 неустрашимых,
 а если кто
 кровью не плакал,
 могли,
 как почётного... на кол!

Помнишь, музыка в городском парке?
Ты тогда в платье... ярком...
и я,
                    молодой комкор...
оркестр о том,

как прощались славяне.
Прощались. Да... расстелив
настил
на кости братьев,
пировали долго. В красном
платье
князь Олег

во главе веселья –
даже в мёртвых вливали зелье...
...ты звонко смеялась,
глядя на двух басистов,
у одного солнце прыгало в усах,
когда выдувал своё «эсто»,
мы танцевали.

Играл оркестр...
...хотел рассказать тебе о ком-то.
да!
табурет посреди комнаты,
совершенно пустой,
как вакуум,
далеко за стеной

дождь плакал.
Далеко... где-то, может, в Афинах.
Это походило на съёмку фильма:
Табурет в Питере,
Дождь в Греции.
...дали воды.
Не отогреться.
От пустоты
не создали влаги,
от пустоты
хорош даже лагерь.
Придумываю: за стеной цветёт акация.
Придумывай что хочешь,
хоть полный карцер.

Можешь вспоминать
жизнь
с пелёнок,
греясь под солнцем
палёным.
Здесь «солнце» —
«лампочка Ильича» —
греет так,
что мёрзнет моча.
А дождь не в Греции —
на Литейном,
и он не плакал,
а выл, как бейный
бас
о
нас.

О папе и остальных...

Мой папа писатель Виль Липатов – замес четырёх кровей – относился к предкам ответственно: боялся Бога, как иудей, любил, как христианин, был свободен, как буддист. И так: бурятская, русская, латышская с иудейской начинкой.

***

Увидев меня в несколько лет, но с открытыми глазами, сказал:

– Ну надо же! Она, похоже, живая...

Но на руки не взял – боялся. Так мы первый раз встретились.

***

Что касает латышской и русской кровей, доставшихся от отца, то Владимира Николаевича Липатова папа знал плохо. В его четыре года мать сбежала от мужа по только ей одной известным причинам. Хотя всё было не так плохо. Этот мой дед-журналист, в то время – министр культуры ДВР (Дальне-Восточной Республики). Его мать – латышка Марта Озолин, отец – русский, родившийся и живший там же. А папа утверждал, что, когда впервые был в Латвии, понимал отдельные слова. Почему – неизвестно. Но позже ездил уже писателем в Латвию часто. Я еще вернусь к этой линии, но иногда смогу ошибиться, иногда соврать, как распорядится память... Впрочем, это касается и всего остального.

***

Томск. У меня желтуха. Потом сослали довыздоровливать в Петухово к бабушке. Она была директором школы.

И я впервые влюбилась. Рассказала об этом отцу уже взрослой... Ежедневно мимо нашего домика проводили из женского лагеря одинаково одетых женщин. И среди них была та – высокая, с прозрачной кожей и золотыми косами до колен – принцесса. Заколдованная. Как-то окликнули: «Лгита!» – и Она оглянулась... Имя принцессы запомнила навсегда.

Папа в то время начальствовал над промышленным отделом Томской газеты «Красное Знамя» и знал всё на свете про Томскую область. Он мне, взрослой, и сказал: «Она была латышкой...» Вот так. Может, родственница дальняя-дальняя?

Когда из бабушкиной деревни вернулась в Томск, папа – по выходным – меня, кудрявую как болонка, выгуливал в городском парке. Конечная цель – пивной ларёк, окружённый скамейками. Он хлебал пиво, а я играла пивными крышечками – замечательно! Брать крышечки с собой запрещалось – это минус в четыре не полных моих года...

***

Более-менее внятно могу рассказывать то, что слышала от бабушки Сарры, папиной мамы. Воспитывала меня она, моя мама была хирургом и всегда – на работе! Лет с четырех ба, готовя обед, и вообще рассказывала всякое разное, обычно – о себе, о своей семье, начиная от деда по отцовской линии. Рафаил Иосифович Садович (видимо, выкрест) дослужился до офицерского звания в царской армии, но, дав пощёчину вышестоящему чину, – надеюсь, за дело! – был сослан в Сибирь. Впав в нищету, опомнился, образумился, раскаялся и вернулся к Торе. Походя женился, родили кучу детей, среди которых – старший – Иосиф, мой прадед, бабушкин отец. Левит по праву рождения от левита, работал старателем с пятнадцати лет на золотых приисках. Накопил потихоньку денег и купил крошечный кусочек земли с золотой жилой того же размера. Внезапно разбогатев, женился. Первенец умер в

Я у папы на руках

младенчестве, следующей была бабушка Сарра. Потом Хана, Бэлла и – Бог дал! – сын Зелик.

Да, чтобы не забыть: Рафаил не дожил до богатства старшего сына – отошёл на Ложке Авраамово, так и умер на газете, расстеленной на полу, с Торой под головой...

Каких чудес не бывает! Иосифа Рафаиловича в чисто русском Нерчинске избрали Третейским судьёй... Хотя всё не так просто: кроме русских в городке жили и остяки, и буряты, и монголы... Вот буддисты и прозвали его уважительно – Мунге Холо (могу ошибиться в написании, что означало «Серебряное горло»). Тому причина – трахеостома, которую ему вставили после какого-то заболевания в Монголии, где у него были коммерческие дела. Периодически Иосиф терял почти всё, но – милостив Бог! – восстанавливал благополучие семьи, работая даже обдиральщиком шкур с мертвых животных в Бурятии, Китае, что для иудея противопоказано.

Бездну лет спустя, когда мне было 16 лет, к папе приехал бурят – режиссер кино. Бабушка за обедом тихо спросила: «А вы не слышали о Мунге Холо? Это мой отец...» И режиссер, рухнув, на колени, стал целовать бабушке руки... «О нём ходят легенды! Он спас кучу наших!»* Бабушка смеялась, мы с папой удивлялись. Ладно, поехали дальше...

***

Ещё тогда, в Петухово, я совершила первое преступление. Полюбовавшись на Лгиту, отправилась в заветное место, где наша курица Пеструха каждый день выдавала по тёпленькому

* Про Иосифа Садовича слышал от бабушки Ариадны Владимировны Извековой (урожд. Шварц) – она училась в нерчинской гимназии и жила там до 1925. Помню только, что его имя упоминалось в связи с моим дедом Александром Сергеевичем Извековым – хирургом, он жил и работал в том числе и Нерчинске. Бурят кинорежиссер, скорее всего, Барас Халзанов. **Юрий Извеков** (Улан-Удэ).

ещё яйцу, категорически мне запрещенному после желтухи. Проковыряв крохотную дырочку, я выпивала яйцо и прятала скорлупу под крыльечко.

Бабушка нервничала: «Пеструха была самой яйценоской и на тебе – ни-че-го!»

Настал роковой день – воскресенье, папа приехал ко мне накануне вечером. И мой разлюбимый отец отследил меня, бедную... Разбудил бабушку и выгреб из-под крыльца кучу пустых целёхоньких скорлупок... Скандал... Да ничего, обошлось, но вскоре из Петухова меня забрали в Томск.

...Папа вставал всю жизнь очень рано, не позже пяти-шести утра...

***

Бабушка вспоминала, как им из Парижа привозили огромные зеркала и всякое прочее. А по осени подъезжали бесконечные телеги с курами, гусями, тушками телят и баранов – зимние запасы отправлялись в ледники, глубокие подвалы неподалёку от дома. Даже флаконы духов для матери, Этты Садович-Столяр, бурятки иудейского исповедания. Детство бабушки было благополучным, но тревожным: несколько раз в отца стреляли, но, слава Богу, не попадали. По ночам ходили сторожа и стучали специальными деревяшками – «всё нормально»...

Кстати, ещё одна легенда о Мунге Холо. Река Нерчинка. Тонет цыганка, с за спиной в платке ребенок... Куча людей стоит, охает-ахает. Мимо ехал на своём экипаже Иосиф Рафаилович. Не задумываясь выскочил из пролётки, заткнул одной рукой трубку в горле и – в Нерчинку. Вытащил цыганку с младенцем живыми...

А ещё он «покупал» за семь монеток больных детей. И они выздоравливали. Левитство ли его, вера ли людей тому причиной, неведомо... Возможно, это один из поводов бесконечного почтения людей и его третейства? И ещё – во время революции прадеда не арестовали. Правда, отобрали всё.

***

Почти в пять лет я стала преступницей, как объяснил папа, подлежащей всеобщему осуждению...

В редакции «Красного Знамени» был такой малюсенький, почти игрушечный бильярд с блестящими крохотными шариками.

Соблазн велик: сунула один в карманчик кружевного фарточка, белого, накрахмаленного. Он спросил: «Брала? Ты это сделала?» Я, скорчившись от вины, отрицала... Папа

немедленно всё понял... Промолчал. А когда мы возвращались домой, шли по мостику через речку Ушайку, я, воровато оглядываясь, бросила украденное в речку. Он, не глядя ни на меня, ни на круги на воде, вдруг заорал:

– Моя дочь – воровка! Беда, люди, катастрофа, я потерял дочь!

Кричал, плакал, метался по мостику, кося на малюсенькую дурищу развесёлый глаз... Это был настоящий спектакль для меня одной на удивление прохожих. Помню поныне всё, даже бесконечные круги на воде.

Но никому потом ничего не рассказывал, даже бабушке с мамой, но как же мне было тяжело: папа меня разлюбил почти до вечера. Это забытое преступление научило меня по сей день не брать, а отдавать.

Моя бабушка (справа) и ее сестра Ханна.

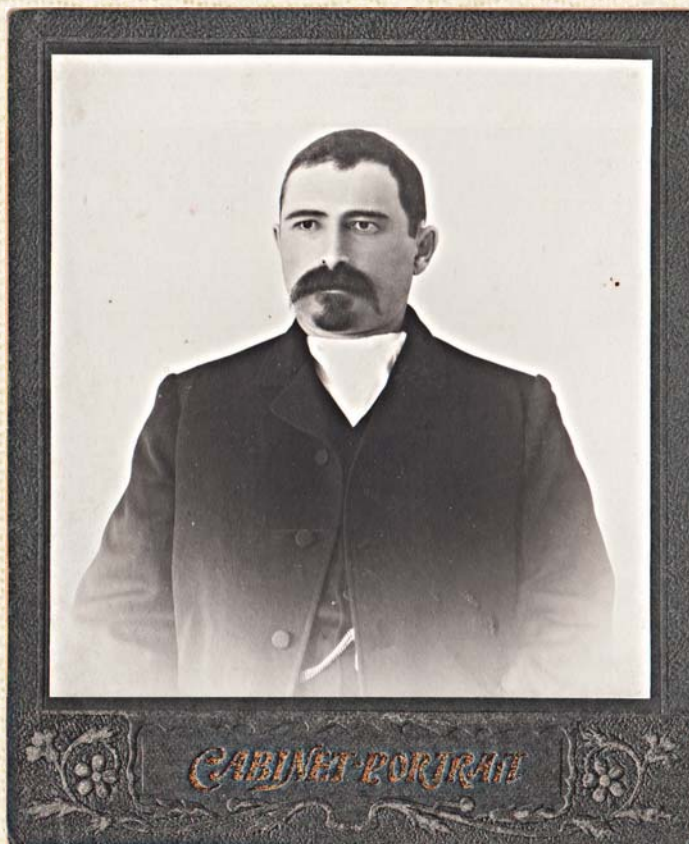
***

У Иосифа Рафаиловича случилось несчастье. Украл единственного сына, Зелика, за выкуп. Чудом удалось его спасти. И прадед принял решение отправить детей (кроме Бэллы) в Палестину. Купил кусочек земли в районе нынешней Израильской Яффы, и Зелик, моя бабушка, сестра Ханна отправились туда... Был 1915 год. Бабушке всего-навсего девять лет... Старшей – Ханне, диабетика, делать всё трудно, хозяйствовала бабушка. Вокруг одни арабы, хозяйствовала по-арабски: пекла лепёшки, как пекли они, жила, как жили. Земля была под протекторатом Англии, поэтому Зелика, ставшего на арабский манер Ашером, в 14 лет взяли в наёмную английскую армию...

Много всякого разного рассказывала мне бабушка – и об огромных звездах над Палестиной, и о друзьях-арабах, и о... Всё долго писать.

Но в начале двадцатых решили вернуться – в России революция... Девочки благополучно, пароходом, а бедный Зелик через Китай нелегально переходил границу... Обошлось. Добрались до Нерчинска все.

Мой прадед Иосиф Садович, отец бабушки Сарры.

***

Чита. Мне почти семь. Папа уже писатель. Первая публикация в «Новом мире» – повесть «Капитан “Смелого”». И много ещё всего в местной печати. Как обычно, работал с пяти утра, потом на службу, в газету «областного значения»...

Итак, мне почти семь. Ночь. Читинская бесснежная холдрыга. Не сплю, хоть и очень хочется, но знаю: засну – папа из дома удерёт. У него запой. Как всегда – зимой и летом – он в трусах и валенках, на плечах телогрейка над голым пузом.

Папа за письменным столом: открытая рукопись и магнитофон, огромный, в полстола. Пьяный он не пишет, только правит, чтобы, протрезвев, всё восстановить.

За эти бессонные ночи я навсегда выучила песни Окуджавы, только они и звучали: про Лёньку Королёва, про синий троллейбус последний, случайный.

Спать нельзя: если папа сбежит, в Чите не будет ни такси, ни милиции – всех станет поить-кормить в привокзальном ресторане до последней своей копейки и полной деморализации Читы – без милиции-то, без такси!

Ещё боюсь страха бабушки и мамы, а пока сижу на стуле, папа со мной. Периодически медленно поднимается из-за стола и бухается передо мною на колени. Целует маленькие руки, говорит вполне внятно:

– Моя принцесса, моя единственно любимая женщина...

Я не могу этого забыть. А как забудешь? Ощущение первого женского счастья от победы над мужчиной, пусть и папой. Случайная, одиножды – не случайная... Справилась и с ней.

***

Бабушка вернулась из Палестины. Вышла замуж за Владимира Николаевича Липатова. Из Новосибирска от мужа сбежала с сыном в Нерчинск, вскоре – в богом забытый поселок под Томском Тогур. Во след нелепо погибшей сестре Бэлле пошла в «народ», стала учительницей русского языка и литературы. По ночам учила правила правописания, утром преподавала. Время настало тяжкое: на Васюганских болотах (близ Тогура) селили толпы ссыльных – прибалтов, поляков, всех подряд. Бабушка Сарра «досамоучилась» до директора начальной школы – другой просто не было. Дети ссыльных учились у неё. И бабушка, на мой взгляд, совершила подвиг местного значения: не дала умереть с голода ни детям, ни взрослым. После учебы дети вместе с директором работали в «пришкольном» хозяйстве. Каждое утро – стакан молока, яйцо и что подрастёт на огороде – каждому. Пайком – родным. Невесть почему бабушку не трогали, учила и кормила...

Бабушка – учительница начальной школы.

Все выжили. Бабушку даже наградили каким-то орденом, где подвешена кругляшка медная с профилем товарища Сталина.

***

Чита. Мы втроём – папа, мама и я – на рассвете отправляемся на рыбалку. Рулит в «козлик» (редакционном) шофёр дядя Вася. Папа в рабочей форме, то есть тверёз. Дело серьёзное: пути три часа через тайгу по еле видной дороге вверх-вниз, вверх-вниз. Среди вековых кедров полянки набиты цветами, разноцветными тряпочками-лентами. Красота! И очень непонятно. Это не новогодняя ёлка, это что-то совсем другое, важное: объяснить не могу, надо увидеть. Но запомнила навсегда.

Когда мы перебрались в столицу, я жутко удивлялась, попав в лес: «А где цветы?!» Дело в том, что в тайге пионы – марьяны коренья, лилии – саранки, крокусы – подснежники. И всё это растёт в изобилии. В средней полосе скучные полянки.

Да не об этом. Часа через два с половиной папа меня толкает в бок:

– Смотри! Яблонево хребет!

Ну, яблонь я там не увидела, просто что-то длинное, высокое и лысое. Но на самом высоком месте, рядом с дорогой, такая берёза... нет, не высокая – коренастая, голая (без листьев), но широкая. Священное буддийское дерево. В центре – трипица с молитвой на неведомом языке и изображением Будды. Каждая веточка – а их множество – украшена

Потом – озёра. Их несколько. Большие, если смотреть с хребта. И возмутительно круглые все как одно. Остановились у ближайшего. Синее и прозрачное везде, даже на глубине всех рыб видно. Но сначала рыбы почему-то не ловились. Мне в лодке надоело, потребовала отвезти к маме, которая развела из привезённых с собой деревяшек костёр для ухи. Было так солнечно и жарко, как бывает только в Сибири летом.

А вот папа с дядей Васей на воде застряли. «Костёр прогорает!!!» – кричала мама. Без толку. Только через час они вернулись. По уши в рыбе. Как не утонули? Короче, съели то, что привезли с собой, и отбыли домой. Бабушка с мамой всю ночь занимались рыбой – чистили, вялили, солили, а я дрыхла без задних ног.

***

Как и положено подростку, папа тайно начал писать стихи... Это опять Тогур... В конце концов «раскололся» – показал тетрадку бабушке. Ей почему-то понравилось...

Почему – почему-то? Бабушка, к слову, была предельно строга... Потом, когда папа стал вполне серьёзным писателем, мать ничего его не читала – боялась... Даже фильмы не смотрела – не хотела разочаровываться. А факт папиного писательства её очаровывал, заставлял тревожиться. Ну, а тогда отправила тетрадку в Томскую газету. Ответ ликвидировал в папе поэта: «Нельзя так бессовестно подражать Есенину! Нашёл кому!!!» Возможно, редактор был прав, но... Дело в том, что мальчик ни-когда не читал Есенина, его стихов просто не было в Тогурской библиотеке! И Липатов-поэт прекратил своё существование.

... Теперь я, как могу, на старости лет пытаюсь наверстать упущенное... Пишу стихи. Помню папино:

«Пёс голодный от луны откусил краюшку
Над моей избушкой...»

По-моему, здорово! Папе было тогда тринадцать лет...

***

Своего отца папа впервые увидел будучи уже известным писателем. Из Читы вместе с моей мамой отправились в Симбирск. Ещё не выйдя из поезда узнали Владимира Николаевича, встречавшего сына с невесткой, – умеренное сходство в лице, но, главное, совершенно одинаковые походки... Его вторая жена Антонина оказалась редкостной неряхой, а мама выдраила дом, как учила бабушка. Дед был в восторге и от сына-писателя, и от работающей невестки. Только сокрушался, что не взяли меня с собой... Встреча оказалась первой и

предпоследней: папа навистил своего отца уже тяжело больным, незадолго до его смерти, через много лет.

А мне, единственной внучке от его единственного же сына, в Читу начал писать письма-сказки с иллюстрациями на маленьких листочках – персонажами сказок. Сказки были приглашающие: все о его доме... Писал здорово, рисовал тоже. Почему-то папа больше не поехал к отцу, письма, правда, писал. Но бабушка Сарра так смотрела на нас, что к деду я не просилась. Что-то такое необъяснимое поняла и просто ждала писем...

С Владимиром Николаевичем мы так и не встретились, даже позже, взрослой, я не была в Симбирске.

Отдам должное папе – он помогал деньгами отцу всю его оставшуюся жизнь, даже подарил автомобиль. После смерти Владимира Николаевича папа выкупил у вдовы Антонины дедов архив. Такой же бумажный зануда, как и его сын, дед хранил письма, свои записи – всё на свете: набитый старинный портфель... Он у меня хранится, но не разобранный. Давным-давно, после ухода папы, я в него заглянула: письма Баженова, Дзержинского – это первое, что попало... Больше не прикасалась. Почему – не знаю... Кого-то ждёт этот архив.

***

Ещё о давнем. Забавное. Иосиф Рафаилович дарил доченьке Сарре к каждому празднику, иудейскому ли, государственному, её собственному, золотую монету разных времён, стран и народов. Бабушка их складывала в железную коробку из-под конфет, что из Парижа. Коробка была тяжёлой.

В Палестину коробка не поехала, осталась дома, в Нерчинске.

Иосифу Рафаиловичу, потерявшему в революцию всё, удалось это золото сохранить. Но отдал бабушке лишь тогда, когда вернулась к нему с сыном, моим папой. И она спрятала золотишко – видимо, бесценное из-за старинных монет – на самый «черный» день... Но приходили начальники всё круче, всех «бывших» опять начали перетряхивать, и бабушка, опасаясь за сына, решила расстаться с отцовскими подарками «от греха подальше». Едва рассвело, когда она добежала до крутого берега Нерчинки и, размахнувшись, бросила

коробку в быструю речку... И – забыла. Вспомнила, когда мне было лет восемь. Рассказала подробненько, где и куда именно бросила.

Кто знает, может, лежит наше богатство по сей день под толстым слоем песка, ила и времени? Поиском клада я так и не занялась: при социализме не было смысла, позже тем более... Возможно кто-то нашёл.

***

С о мной папа был щедр во всём, кроме «денежного довольствия». Я до взрослости получала ровно столько, сколько все мои ровесники. Проблема новых сапог обсуждалась на семейном совете – нельзя ли починить старые. Папа панически боялся вырастить барыньку-бездельницу в очень, по тем временам, состоятельной семье. Таким манером организовал мне пару-тройку стойких комплексов... Это касалось и мамы: никаких рюшечек-кружавчиков, никаких украшений. «Ты – хирург! Белая блузка, черная юбка, хорошие туфли на каблуках!» Вот так, так и только так.

Труднодобываемые продукты контролю не подлежали, тем более, это бабушкина «епархия», а её после многолетней нищеты контролировать было не надо. Аскетика для меня норма по сей день.

Но – чего не бывает! – однажды мне, студентке, папа выдал похода 400 рублей: «Вдруг чего-то захочется?» Через полгода вернула ему триста пятьдесят. Папа хмыкнул, ни о чём не спросил, вернул полсотни, остальные сгрёб в ящик письменного стола. После этого мне безмолвно выдавалась любая сумма по любому поводу.

Скорее всего именно по этой причине – привычному аскетизму, мне и удалось сохранить в безумии начала 21-го века всю собственность, хоть и отобрали деньги, оставленные нам папой. Теперь, когда мама тяжело больна, да и я не очень здорова, нам есть на что жить...

Мая мама, хирург Александра Владимировна Липатова.

***

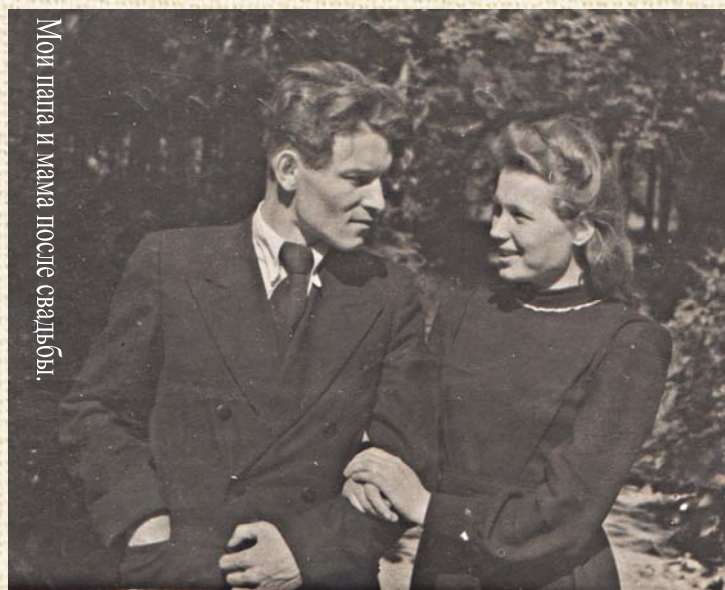
Поставив крест на поэзии, папа организовал в Тогуре театральный кружок. Ведущий артист, режиссёр – всё он же. Сохранилось несколько фотографий. О, мой папа! Ты был прекрасен! При полном отсутствии слуха – гитара в руках, шляпа с широкими полями, причёска голливудской кинозвезды – американские фильмы тому причиной. Уже война... В сорок

третьем запахло мобилизацией, и бабушка, пораскинув мозгами, отправила сына в НИВИТ – Новосибирский институт военных инженеров транспорта. Поступил. Казарма. НКВД... Сбежал, как только кончилась война. Ему – хватило... Добрался до Томска, где моя мама, в которую он был влюблён с восьмого класса, училась в медицинском. Еле-еле мама его, измождённого, откормила. Прячала в общежитии – удавалось. Бабушка помогла вернуть документы.

Поступил в педагогический институт на исторический факультет. Писал лихо и «как надо», предложил Томской газете «Красное знамя». Взяли на ура!, потребовали ещё. Папа перевёлся на заочный и начал работать в редакции. Женился. Родили меня.

Бабушка вместе со своей лежачей мамой – Эттой приехала меня «пасти». Очень быстро отец стал в «Красном знамени» зав.отделом промышленности необъятной Томской области. В крохотной коммуналке по ночам писал первую прозу. Спал не больше трёх-четырёх часов. В один прекрасный день прибыла в Томск группа московских писателей в поисках талантов. Нашли папу. И вот повесть «Капитан "Смелого"» опубликована в «Новом мире». Папа стал писателем вполне официально – членом Союза писателей.

Мой папа и мама после свадьбы.

***

Папа всё писал много и, похоже, хорошо. Как именно, я поняла позже, когда начала его читать осознанно, лет в тринадцать. Издавался в столице так же много, как и писал. Из Читы бесконечно летал в Москву и по издательским делам и на всякие там съезды писателей. Получал большие гонорары. И тут же – поить всех, кто подвернётся. Не отказывал и себе... Мама многожды летала его выручать, за шиворот брала, привозила домой с остатками – немалыми – денег.

Его повести начали переводить за границей – в Чехословакии, ГДР, Польше...

Однажды вернулся из столицы спец.корреспондентом «Советской России». Вскоре редакция потребовала переехать в среднюю полосу России – на ту же должность спец. корреспондента. Из предложенных ему городов они с мамой, поехав, выбрали Брянск. Квартиру дали в обкомовском доме огромную, четырёхкомнатную. Мне почти тринадцать лет.

***

Бабушка Сарра была поклонницей установок Льва Толстого относительно христианства. Каждую Пасху мы встречали испечёнными бабушкой куличами и крашеными яйцами... Сколько я не просила её сказать хоть одно словечко на родном по крови языке, клялась, что не помнит... Но в Бога верила. Верил в Бога и папа, не словесно, а действиями...

Но в дом он принёс Библию американского издания, в виниловом переплете, на папиросной бумаге. Велел читать мне всю. Вот тут – поклон Константину Александровичу Кедрову... Его подарок. Папа уже преподавал в Литературном институте, вёл семинар прозы. Константин Александрович тоже преподавал – фольклор и древнерусскую литературу, читал спецкурсы лекций о творчестве Толстого и Достоевского. Было начало семидесятых 20-го века...

Гораздо позже папа подтвердил свою веру в Бога последним романом «Лев на лужайке». В финале книги главный герой приносит в Храме покаяние незримому Святому Отцу, перечисляя свои грехи... Кое-что из исповеданного мне знакомо по папиной биографии.

Что касается «действенной веры» – могла бы рассказывать много и долго. Но – скажу кратко. Часто и много помогал людям – молча, не афишируя. Не пользовался никакими привилегиями, что ему полагались по должности. Не лгал в быту, по возможности – в творчестве: «Читай между строк...» Был аскетичен во всём – еде, одежде, быту вообще. Но такие времена! – изредка, между готовой и новой книгой запивал... Становился для всех невыносимым, кроме меня, бабушки и единственного друга Геры Попова... Мы знали, что это – конечно; терпели все его фокусы.

Кстати, Гера, Герардий Георгиевич Попов, поныне один из главных моих друзей, ни разу не предавший. Папин выбор был не случаен.

***

Папа, лишённый слуха и голоса, самозабвенно любил музыку. Когда я, восьмилетняя, за компанию с подружкой поступила в музыкальную школу, он был в восторге. Через год я одумалась, попыталась бросить – это не моё дело, но отец устроил редкий для меня скандал: «Поступила – учишься, пока не закончишь!» Училась, закончила. Бросила ему диплом и заявила: «Немедленно продайте пианино! Я его видеть не могу! Меня лишили детства!»

Лукавила: детство у меня было. И редкостно счастливое, потому, что рядом – папа... Мы всегда были ровесниками и в пять моих лет, и в двадцать пять.

Кстати... Как меня папа научил много и всегда читать. Начала это дело бабушка Сарра. Она в любую свободную минутку читала мне. В четыре года обучила азбуке, потом читать по слогам... Далее начинала что-то сама читать, потом – «некогда!» – подсовывала открытую на самом интересном месте книжку... Сработало. В пять я уже вовсю читала.

А в восемь папа стал отслеживать, что именно читала. Через пяток лет, всегда походя, работая, безразлично говорил: «Попробуй вот это».

Чуть позже просто заглядывал, что именно я сейчас читаю.

Это я, Таня Липатова. Начало 70-х.

Так за пять лет я прочла всю его огромную библиотеку, подобранную с любовью и не без труда. Тогда книги были недоставаемы.

Ах, да, я начала о музыке. Надо признать, что папа до классики не дошёл, но песни звучали в доме всегда: Окуджава, Галич, позже Визбор и Высоцкий. Изредка русские народные песни. Мама рассказывала, как он учился играть на балалайке: играл одно, напевал слова другого. При мне этого уже не бывало. Только магнитофон – огромный, с огромными же бобинами, на которые накручивалась коричневая лента. Звук был фиговый, но слова песен – понятны. Запомнила навсегда.

* * *

Теперь, в 21-м веке, уже постарев, я вдруг поняла: всё, что писал отец, написано для него и ему подобных. А таких мало было, да и почти не будет. Уже неоткуда взяться – темп жизни не позволит. Каждое отцовское слово на своём месте, необходимо, и заменить его никаким другим нельзя. Отцовские книги требуют крайнего напряжения внимания ежесекундно, а людям это не свойственно. Даже Библию читают сюжетно, поверхностно, событийно.

У отца сюжет – правильный, как того требовали, Слово – противоречит. Думать заставляет, а думать глобально некогда людям. Но верю – время настанет, его читатель найдётся.

Один или два. Или много. Не мне знать... Он был не филологом, не клеймителем, не одобрителем...

«Кто видит – увидит, кто слышит – услышит...»

Откройте любую отцовскую книгу. Прочтите просто два абзаца, и вы меня поймёте. Он писал не «между строк», как было принято в его время, он писал «Словом». Его книги просто надо прочесть, владея русским языком.

Сейчас я говорю не о своём отце, я пытаюсь говорить о писателе Липатове. Как теперь понимаю, мне совершенно незнакомом человеке... Я читаю его, как все.

Как же поздно я поняла бесценность ежеминутной близости такого человека... Как много мною забыто, как мало воспринятого. Те, кому повезло иметь талантливых родителей, – не повторяйте моих ошибок, запоминайте каждое слово. Я – пожизненно «папина тень» на земле.

* * *

Моя мама была женщиной гордой, в прошлом – первой девкой на деревне. Ох, как им было трудно и вместе, и по отдельности. Мама ещё жива, ей девяностый год, разум отказал – болезнь Альцгеймера, но с отцовского портрета глаз не сводит.

* * *

Я не хочу писать об отце, но – пишу. Пишу потому, что главное человека в моей, надеюсь, недолгой жизни, не было и не будет. Мне везде и всегда было с ним интересно. Больше такого не случалось.

Он читал Чехова. Пожизненно. А ещё любил brave солдата Швейки и Остапа Бендера. Почтовый ящик едва вмещал периодику: газеты, журналы, письма – каждый день. Моей обязанностью было бегать за прессой и варить кофе. Но – никогда за бутылкой, даже в самом крутом запое родных этим не обременял...

Работал папа интересно: он что-то бормотал, громко смеялся, изредка вскрикивал и бегал по комнате, потом опять тремя пальцами быстро-быстро стучал по клавишам пишущей машинки. Всё это – пока писался первый вариант. Папа писал всё дважды: первый, закончив, убирал подальше и начинал с начала, не заглядывая в сделанное. Потом правил от руки – мелким чётким почерком, который я унаследовала.. Кстати, у деда Владимира Николаевича был почти неотличимый, хотя они познакомились, когда папа уже был писателем и работал именно так, как до последнего дня... Работал легко: ему было хорошо и интересно работать, работающий папа – счастливый папа, добрый, всепрощающий...

* * *

...Сейчас я читаю, вернее в сотый раз перечитываю спустя 20 лет последний его роман «Лев на лужайке», не издававшийся с 1990 года... Читаю долго и трудно, но – читаю. И впервые понимаю, как папа боялся близкой смерти, а то, что близкой, он знал.

Эту папину работу я люблю по-особенному, даже больше, чем «Мистера-Гвистера», рассказ про него, и «Колобовскую корову» – рассказ обо мне в образе коровы Чернушки. Дело в том, что эта книга – наш общий ребёнок, финал нашей земной взаимной любви. Папа написал, успел, как он говорил, «болванку», а я, его дочь, довела незаконченное до формата изданной книги. Не потому, что была в себе уверена, а потому, что знала: не сделаю этого, книги не будет.

На одной странице – Мария Ивановна, через три – Мария Петровна... Зима – и в той же главке – осень... Ну кто-то должен был это сделать! И ещё – папа задумал сложную конструкцию, но был только незаконченный первый вариант, а папы не было, ну и кто-то должен был это сделать?... И вот – книга. Изданная. И я её читаю...

ОТЦУ...

I. Моё счастье, оно же – проклятие:

Умный отец, отец талантливый,
Сбежавший так рано от дочки...
Тут бы и ставить точку, но –
Скажу ещё одно:
Знаешь, папа, смешно,
Прошло каких-то три десятка лет
И – наконец –
Я перестала на земле
Искать тебя,
Мой непутевый друг,
Мой невесомый крест –
Отец...

II. Старый блокнот...

Блок нот
Незаписанных слов голоса из снов
Звучит с пустых страниц
Отцовского блокнота,
Хлебавшего пыль одиноко
Тридцать лет без владельца...
Коснусь его пухлого тельца,
Осмелев, – заполню строчками
Отцовского мелкого почерка,
Наследованного по праву рождения
И без отца одиночества дочкой...

III. А папино плечо

Не заменит ничье...
Тридцать лет не скулила,
Тридцать лет не ныла:
Хватило твоего наследства –
Тревожно-счастливого детства...
Мне бы теперь – выдержать,
Сохранить тобой вверенное,
Не дать слабинку в тлении
Российского безвременья...
...Папа, папа, я так устала,
Нарисуй мне матросика как бывало...

Ольга Ильницкая

ДООС – слоновозвр

И ОПЯТЬ НАВИГАЦИЯ

– Хочешь «молча смотреть глаза»,
ответа в ночи?
Путеводной звезде кричи,
кому следует – передаст,
звезда не предаст.
Хочешь любви?
В храм Воскресения иди,
рифмуя «кровь» и «любовь»,
это тебе поможет все пережить опять.
А свечку поставишь, и вновь
будет тебе Любовь.
А где двое соберутся во Имя Мое –
там тебе и жилье...
Даже если попросишь лучше,
что срифмуешь – получишь.

Молча смотрю глаза.
Как дура, не сплю в ночи.
Бог отвечает: «Я – отныне Любовь твоя».
– Кричи, не кричи,
разве о том просила,
когда свой пирожок лепила?
Вокруг тишина такая...
Слышу, как волосы растут,
как идут за составом состав
поезда из Одессы в Москву,
как прибой бьется в мол бетонный,
как ревун в молоко ревет...
– Ах! –
На голос мой, не к добру влюбленный,
белый пароход плывет!

Божий Сын,
словно в первый раз –
по воде идет.
И опять навигация.
...И корабль плывет.

КОТ

В глазах увязли шелки, как мушки в янтаре.
Я знаю, зверь под кожей упругий сумрак прячет –
Короткошерстый звук игры на серебре.
Неравномерно бьется наперсточное сердце,
И вздрагивают мышцы бегущего во сне.

Когда же кот не спит – он словно в тайну дворца,
И взгляд его широк, и янтари красней.
Стучит теперь во мне – наперсточное сердце,
А память словно сон – все глубже, все тесней

Чарльз Бернстин

Нью-Йорк

ТРАНССЕГМЕНТАЛЬНОЕ ПЛАВАНИЕ

Это разум превращает в навоз все эти
Обращения рощ и манерные утверждения.
«Отвратительно» — вот слово, изверг –
Звук извергается в стихотворение, как
Окорок на Бар-мицву. Просто загни
Какой-нибудь изгиб ветки или пару. Пригвожден
К 24-часовой охране в тумане. Уни-
формы измараны и плохо сидят. Но джинсы
приводят все это в порядок. Набор тем:
Вырезать и вставить, угрюмая, межконфес-
сиональная, острая, как лазер, лоботомия. Дверь
Закрывает дверь. Словно разделение конти-
нентов становится метафорой
Заплыва (изложение суждения). Подбадривай
Бодрячка-вратаря, а мне дай пойти вразнос
На гидроцикле. Волны навалились, не взяв
Мзду за проезд. А как дела у вас?

*Продолжил плавание на русском языке
Ян Пробиштейн.*

Ян Пробиштейн

Нью-Йорк

*

Увы и ах когда-нибудь
Еще быть может боже мой
Ух ты и ты брут как же так
не за понюх же кое либо
во все тяжкие по прямой
мы показать бы вам могли бы
великой нашей кузьки мать

*

Человек человеку все
Что угодно сделать может —
Дыба и колесо
Прокрустово ложе
Сапожок испанский
Надеть или снять кожу
Придумал гений германский
Иприт и циклон Б
А потом по трубе
перстом крематорий
Указует выход
Четвертовать распять
Разорвать на части
Объявить мораторий
На смертную казнь и
Пустить на запчасти

*Галина Мальцева (ДООС – стрекзепла).
Компьютерная графика, 2016 г.*

Валентин Нервин

Воронеж

ОДИССЕЙ

По морю потерянных дней,
где время течет, как вода,
куда-то плывет Одиссей –
до срока не важно, куда.
Герои воюют и пьют,
герои не верят словам,
но песни Гомера поют
Сирены по всем островам.

Я драхмы менял на рубли
в таинственном царстве теней
и плыли мои корабли
по морю потерянных дней.
Я Трою сожгу за собой
и выйду живым из огня
навстречу Гомеру – слепой
старик не узнает меня.

ГЕКТОР И АНДРОМАХА

Андромаха прощается с мужем –
он идет на большую войну
за какую-то малую сушу,
как водилось у них в старину.
Гектор спешится и улыбнется –
меланхолии нет и следа,
только он никогда не вернется,
не вернется уже ни-ког-да.

Что-то в жизни людей неисправно,
если мир утверждают войной,
и опять голосит Ярославна
за высокой стеной крепостной.
Я не знаю, что будет в дальнейшем,
сколько мы возведем крепостей
на слезах обезумевших женщин,
на крови не рожденных детей.

Андромаха прощается с мужем...

АФРОДИТА

Уходила, потом приходила
налегке, как морская вода,
только вот никогда не любила,
не любила тебя никогда.
Можно даже на пристани быта
захлебнуться соленой тоской,
лишь бы солнечная Афродита
появлялась из пены морской.

Александра Окатова

ПЕЛЕЙ И ФЕТИДА

Позолотила края облаков розовоперстая Эос,
мчится навстречу ей вихрем Ирида.
Быстро скользят по дуге разноцветные кони –
кончился дождь над морскою границей.
На берегу собрались герои и боги –
важных событий они ожидают –
будет сегодня нимфа Фетида
отдана Посейдоном герою в жены.

Гордый, как кочет, царь Пелей выступает,
поручи золотом красным червонным сияют,
поножи чресла его облегают,
блестя серебром и зарю затмевают.
Замуж не хочет Фетида, дочь кентавра Хирона,
не желает она подчиниться простому герою.
Собралась убить героя гордячка,
не хочет слушать нимфа своего господина Нептуна...

На берегу пред горами седыми
разбили чертог для священного действа.
Чудный узор тот чертог покрывает –
выткала сей узор, на погибель свою, Арахна.
Боги спустились по радуге с неба.
Расселись. В центре Зевс и суровая Гера.
Нет, не прошли на запястьях Геры следы от цепей,
заковал её в кои Гефест по приказу Зевеса.

Все боги здесь, одесную Зевеса.
Вот Аполлон с Афродитой:
вроде, брат и сестра, а милуются, словно супруги.
Рядом стоит Афина ревниво, обнимает её Артемида.
Смотрит на них Гермес хитроумный,
и хромоу Гефест из-за спин выглядит –
страшится он гнева обиженной Геры.
Все боги хотят поучаствовать в свадьбе
Пелея с Фетидой – только она замышляет другое...

Вышел Пелей и хозяйской рукою
нагло приобнял строптивую нимфу.
Боги кричат наперебой Пелею:
– Обними её как можно крепче – и будет она твоею!
Рвётся из крепких объятий Фетида,
то в волну, то в вулкан превращаясь,
то гадом морским извиваясь в руках героя,
тщится убить его грозная нимфа.

Но крепче крепкого держит Пелей Фетиду!
Нежно её обнимает. Ласкает.
Главное – удержать, не разомкнув объятий!
И постепенно гаснет гнев рыбьехвостой нимфы,
и вот она уже в губы героя целует,
забыла уже, как убить его хотела...
Каждая женщина хочет игрою,
как прекрасная нимфа – покорить своего героя.
И каждый мужчина – укрощает свою Фетиду.

Александр В. Бубнов

доктор филологических наук
ДООС – палиндрозавр
Курск

УЛИССА ПАС СИЛУ...

(цикл из 11 палиндромов строгого стиля)

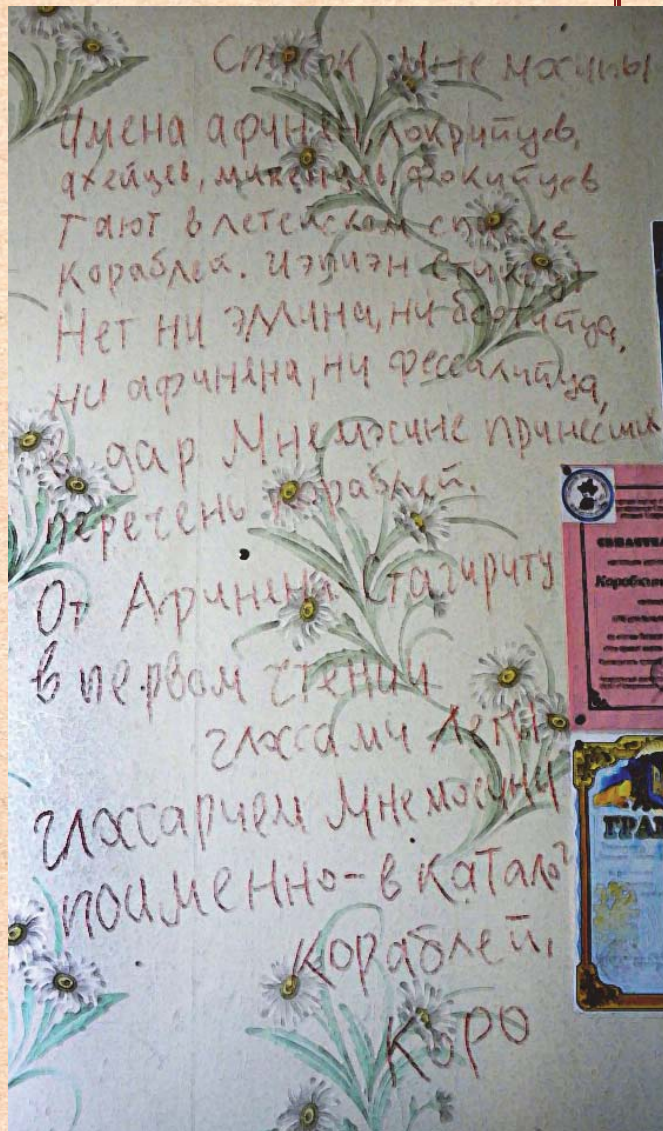
1.
соло клавиш.
синело кино.
кокон и колени
сшивал колос.
2.
я, беся, пел соло:
качал, плача, колос,
лепя себя.
3.
поле-не-поле –
в аду колоссологос
ел оклады веков,
в оке выдал колесо
голос.
соло куда вело пенелоп?...
7.
поле – не поле мира, –
дом и диво!..
летел, море пером яро творя!..
иеро молило моря:
«яро голоси, яро!..
гони демосу, посол, –
огласи –
позолоти!..»
туп яро в теле яром.
итака,
закати моря,
еле творя пути, –
то – лоз описал голос,
опусом едино горя.
и соло гóря
яро молило море,
и, яро вторя,
море пером летело –
видимо, дар имело
пенелоп.
4.
у нелепого, но левого пути
туп –
оговел оног пелену!..
8.
яд и диавол имел
от сантиментов,
и иероморе,
и...
и... вот –
немит на столе,
мило в аид идя...
9.
диавологлав опусу
поища тему лбом,
о блуме* тащи опус –
уповал голов аид...
10.
улиссу
поливал славу
герб моря.
ром брегу – вал!..
славил опус
силу!..
11.
киномен!..
мир мучил клич:
«умри, мнемоник!»
5.
улисса пир
пена разносила,
пир пугал бокал,
а путана кия воля!..
ветра
вели светá
на кворум ходов пути.
я и не жив духом,
и дивен,
и невидим оху движения,
и туп, –
водоухмуро в канате...
в силе? –
в арте вяло вял...
и канат упал,
а ко благу припал.
и сон заране припас
силу.
6.
итака,
зарю снов,
звон сюра
закати!...

*Блум – герой романа «Улисс» Дж.Джойса.

Елена Коро

Симферополь

СТИХИ НА ОБОЯХ

Список Мнемосины

Имена афинян, локрийцев,
ахейцев, микенцев, фокийцев
тают в летейском списке
кораблей, изпиан Стиксу!
Нет ни эллина, ни беотийца,
ни афиняна, ни фессалийца,
в дар Мнемосине принесших
перечень кораблей.
От Афиняна – Стагириту
в первом чтении глоссами Леты –
глоссарием Мнемосины –
поименно – в каталог кораблей.

Du Glocke, gräme dich nicht.
Nach dir sucht man,
um zu deinem Klang zu werden.

Смотри: закат. Морской этюд.
Одесса. Август. Solitude.

5.

Не мрачной девочкой невзрачной,
столичной львицею безбрачной
сюда приехала опять.
Не повернулось время вспять!
Вольно же мне блуждать во мраке...
Поднаторев в портальной драке,
идет с разбитою губой
навстречу нам – морской ковбой.
Пушай идет до поворота
типаж, с эмблемою морфлота!

Все это странно без привычки:
две натуральные москвички,
и рядом с ними, хороши,
идут ахейские мужи,
авантюристы, аргонавты.
Об этом всей не скажешь правды.
Преодолев разброд в душе,
беру готовые клише.

И в жизни, и в литературе
все соответствует натуре.

6.

Расположась под сенью ивы,
мы так в любви неприхотливы
на берегу, во мраке лета.
Причал. И поляя «Комета».
В плену полночного эфира
под кайфом спит уже полмира.

Попробую начать сначала:
«Комета» рвется от причала.
На берегу ночного моря
Остались мы, с судьбой не споря.
И море, тяжкое как мед,
то всколыхнется, то замрет.
И ночь стоустая – густа.
Нет ни возврата, ни креста.
Трава глубокая, как мех.
И сладок первородный грех.

Любовь, спокойствие и лад
я положу на срочный вклад.
Такой духовный капитал
не промотать, мой капитан!

7.

Но рано предъявлять счета.
Он, впрочем, прочим не чета:
он и приветлив, и раскован.
Подруга действует рискованно.
Смотрю, как меркнут краски юга.
поглощена собой подруга,
и на ее душе штормит.

Вот остров. Там расстрелян Шмидт.
Там спит история сама.
Там много сердца и ума.
Там не в чести пустая трата!

Потом последует расплата.
И ты отвлечешься не надейся
в Очакове или Одессе –
в пылу любовного транзита.
С непостоянствою одессита
сквозит вечерний ветерок.

Не запасешься жизнью впрок!
Пора напропалую жить
и хватит на судьбу грешить.

8.

Не утолив вседневный голод,
вернулись мы в портовый город.
Там рты разинув, ходят гости.
Там Дюк позеленел от злости.
Там сохранился образцово
дворец магната Воронцова.
И там имеют бледный вид
дома в плену кариатид.
Там чудеса. Там волны бродят.
Русалки в нетях верховодят.
Там хороши морские дали.
Там не читают нам морали.
Там не тиранят, не корят.
Там утром чаем напоят.

Добавь сюда ума и сердца.
С высокомерьем страстотерпца
на старый город не смотри.
Черты случайные сотри.

9.

Но если я вернусь к герою,
он может надоесть, не скрою.
Пусть остается в центре мира
его уютная квартира.
Я на окраину – туда:
на рейде светятся суда,
бормочет в ночь буркун-трава.
И я, как никогда, жива.

На жизнь – не выдают лицензий.
Необоснованных претензий
к своей судьбе не предъявлю.
Я дни копила по рублю
с остервененьем скопидома!
Из полуночного содома
душа вспорхнула налегке.

Огни Одессы вдалеке.

Шуршала полевая мышь.
Сияла ночь, шумел камыш.
Все это поросло быльем –
степной полынью с ковылем.

Евгений Гусев

Ярославль

СТАРОЕ ФОТО

Старый парк, беседка, пристань,
Неба синь и гладь реки.
На скамейке – два туриста.
С парохода. Старики.

Он в плаще, она при шляпе...
На такие снимки скор,
Это «щёлкнул» маму с папой
Мой знакомый фотокор.

Турпоездка не бесплатно,
Но буквально за гроши.
«Вот, приехали обратно,
Нагулялись от души»...

С парохода прямо в храмы
Люди вновь идут чуть свет.
Шляпы, галстуки, панамы...
Нет среди туристов мамы
И отца среди них нет.

ВЕК МОЙ

Одноголовые вороны –
Не со знамён и не с монет –
Терзают в клювах макароны
И недовольно смотрят вслед.

Их двухголовые собратья
На государственных гербах
Очередного ждут распятия,
В сердца людей вселяя страх.

Пройдут года, и снова троны
Народ низвергнет. Но опять
Всё те же вóроны-ворóны
Нас будут в темечко клевать.

Подав две звонкие монеты
Бомжу у рыночных ворот...
Немало лет бегу вдоль Леты,
Любуясь цветом мутных вод.

Но «Взвейтесь, соколы,
орлами!»
Звучит, как двести лет назад.
И поднимается, как знамя,
Рассвет. А, может быть, закат.

август 1981 г. Одесса

Фото Елены Кацюбы.

Румен Шомов

София

*

О, аз познавам твоите ноти, Тишина,
и звуците, които ме превземат –
заспива мракът. В стъклена стена
се отразява залез нереално кремав.

И спира болката на ново петолиние,
но неподвижна тя е още по-голяма
и затъмнява извървяното униение
несъразмерната отдавна твоя памет...

И виждаш само две алтернативи:
или издишваш воят вълчи в себе си,
или обесваш своите креативи
на някой до кресчендо дървен хребет...

12 юли 2006 г.
гр. Балчик

***

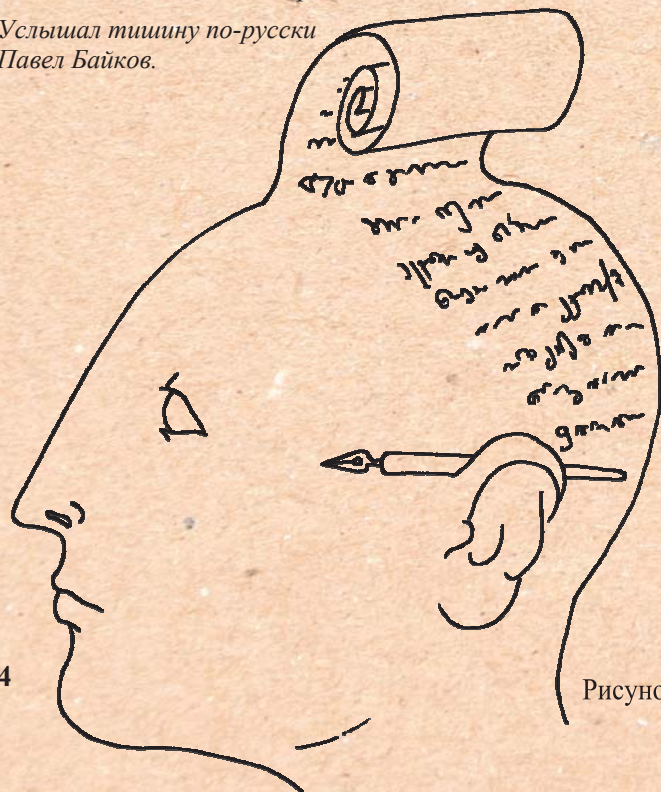
Я знаю Ваши ноты, Тишина,
и звуки Ваши, что меня уносят
во мрак ночной... А за стеной стеклянной –
потусторонне кремовый закат.

И боль становится на новый нотный стан –
застывшая, она ещё крупнее.
И поглощает выцветшую грусть
твоя перезагруженная память.

И только две возможности осталось:
то выдыхаешь волчий вой в себя,
а то творенья вешаешь свои
на деревянном от огня заборе.

12 июля 2006 г.
гор. Балчик

Услышал тишину по-русски
Павел Байков.

Евгений В.Харитоновъ

ДООС – азорозавр

КРАСНЫМ

туц, вушь –
акшь!

Угпуту лы.
Лрф – вушь.
Уг путу –
Лы.
Белилами слова
лай-бели
Лы лай белила
Лы.

А сердце красным
Усмехаясь

***

Твари рытвин
не бояться

твр ры твр
твн рры нывты

ПОЭМ-КА

1.
наживу и
заживу
2.
доживу и
выживу
3.
НАЗАДОВЫ
4.
увиджу
у! живу!

ОДНОСТРОЧНОЕ ДАДА

Дадараца дада Ра

***

На коне ко мне оне –
Нако неко мне оне.
Наком еком неон е –
На коне оне ко мне.

Не ко мне и на коне
Неком не и на кон е
А на мне как на коне
В царство Божия оне
скачут
прыгают
скакают

ВТОРОЕ ТАСМАНИЙСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Небо в оды –
Небо воды.
Небо. СВ. Оды.
Небосводы.
Впрочем,
Небо с воды
Не видно.

ПЕРВОЕ ТВЕРСКОЕ

Вот Тверь.
Вот дверь.
Вот верь –
тут Тверь.

***

Никогда когда
Да когда никогда
Не говори когда
Никогда молчи
Не ври когда
Никогда не ври
Да когда тогда?
Да когда никогда!
Никогда бы нас не бы-
ло
Когда б не было
Не было всегда
Потому что было.

***

ЧеКаночка:
В ЧеКа ночь

Поздравляем!

1 декабря 2016 г. Александру Карпенко была вручена Международная премия Н.А. Островского «За мужество, крепость духа и творческие успехи в разных сферах деятельности. Литература».

Александр Карпенко

ДООС – афганозавр

ВЕНЕЦИЯ

Опустишь молча очи долу,
Канал увидишь и гондолу;
И понимаешь вдруг, что дожил,
Дошёл до цитадели дождей.
Насели на венецианцев гунны –
И все попрятались в лагуны.
Настало время торжества их:
Ковчег построили на сваях.
Здесь морю синему – для вида –
Не покорилась Атлантида.

* * *

Господь забирает лучших...
И это всё неспроста:
Он – самый заправский лучник,
Он сто выбивает из ста!

И, смысл отделив от звука,
Он шепчет волхвам слова:
Бессмертье – стрельба из лука,
Где промысел – тетива.

Елена Красношечкова «Венеция» (холст, масло).

Ия Кива

Донецк-Киев

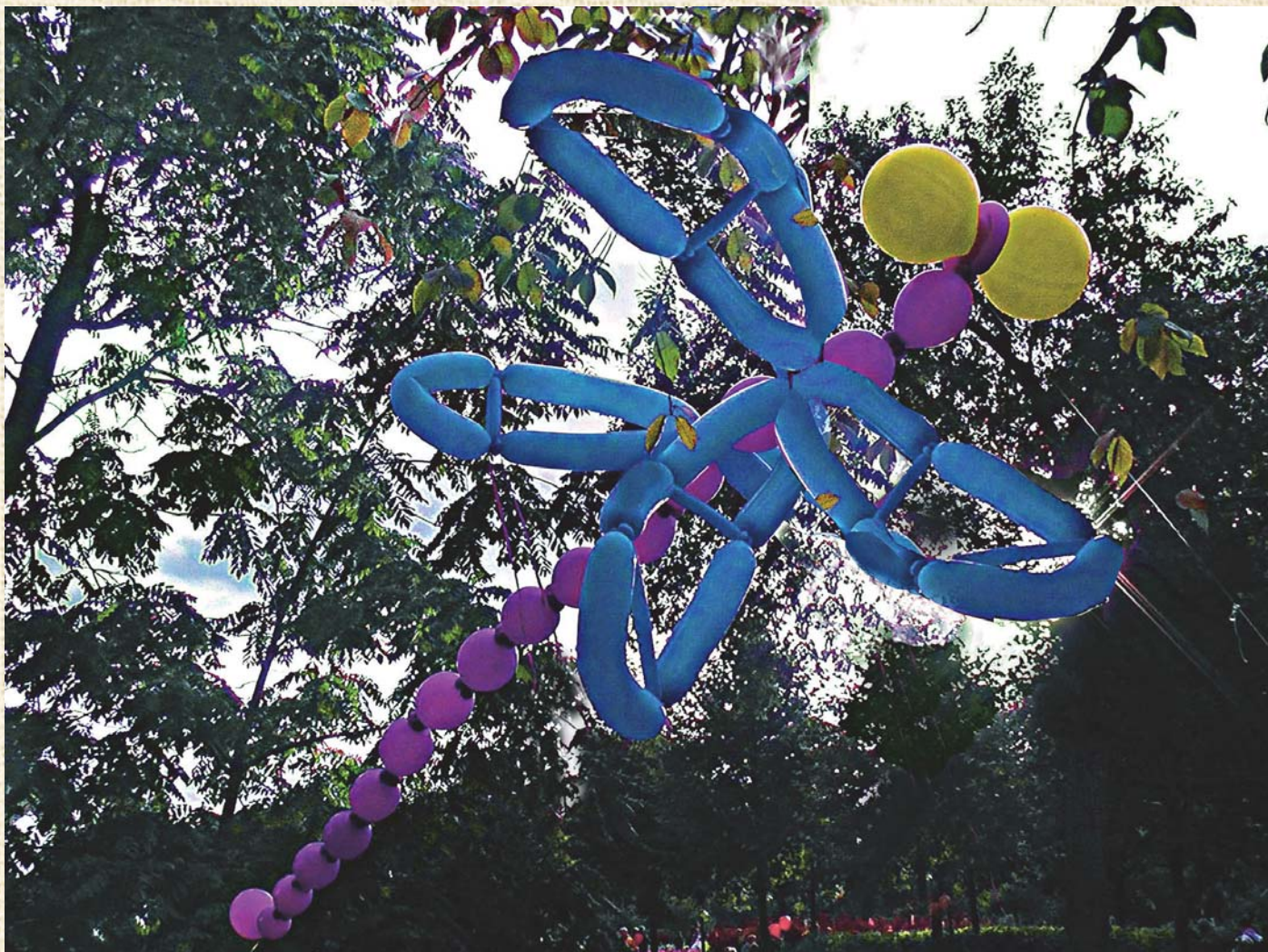
BELGIUM

1
старушка Европа встречает не очень приветливо
непонятные расписания слишком громкие люди
к тому же каждый час по тебе бьют часы
пора-пора говорят возвращаться на родину
города переполнены разноцветными беженцами
маленький украинец здесь неуместен

2
вокзал превращается в уравнение
с множеством неизвестных
– Это Брюссель?
– Это Гент.
– Как мне доехать до Льежа?
– Сами-то вы откуда?
– Из Украины.
– Это не может быть правдой.

что есть истина
если не сумма неверных решений
что есть дом
если не сумма потерянных родин
3
энтомологические булавки готики
утверждают что ты бабочка
вафельные домики
утверждают что ты сладостен
Брейгель, Босх и Магритт
утверждают что ты любишь искусство
призрак бродит по Европе
призрак Донбасса
4
в аэропорту говорят
вас нет в списках живых
вас нет в списках мертвых
Воскресение Христово видевши
возносишься как умеешь

В Москве 10 сентября 2016 г. в День Города в Парке Горького проходил фестиваль «Яркие люди». ДООСы как очень яркие люди, конечно, не остались в стороне. На одной из полянок среди начинающих желтеть деревьев зависла шестиметровая стрекоза из воздушных шариков (авторы инсталляции Маргарита Аль и Анвар Альмухаметов). А под сенью трепещущей стрекозы дети на поляне раскрашивали бумажных стрекоз, художники во главе с Маргаритой Сюриной проводили мастер-классы, а ДООСы и авторы Журнала ПОэтов читали стихи. Константин Кедров, Елена Кацюба, Маргарита Аль, Людмила Вязмитинова. Андрей Цуканов, Борис Колымагин, Галина Свицова, Эдуард Трескин, Владислав Доброславский, Наталья Рожкова, а также гости из Рязани Людмила Салтыкова и Михаил Данышов и поэтесса из Калмыкии Валентина Боован Куукан. Наконец, когда солнце стало склоняться к закату, стрекозу отпустили, и она сначала медленно, а потом все быстрее поднялась в небо и скрылась из глаз.

Наталья Рожкова

ПОЛЁТ В 2.45

*Меганевра – гигантская стрекоза,
жившая в каменноугольном периоде
(размах крыльев – 65 см).*

Мягкий бархат небес
На востоке истёрся слегка,
Где-то изредка всхлипнет в ночи
Одинокая птица,
Разрезая на равные части,
Как ткань, облака,
Меганевра степенно летит
Над притихшей столицей.

На балконе от ветра трепещет,
Как знамя, бельё,
Опустевшая мёртвая площадь
Подобна пустыне.
Слышишь, крылья шуршат,
И квадратик сетчатки её
Отражает тебя и меня –
В настоящем, прошедшем и ныне.
Это странная весть,
Или – душный, пророческий сон...
И не скажет, пожалуй, никто,
Что здесь – быть или небыль.
Два часа сорок пять.
И опять выхожу на балкон.
Я пока ещё здесь, на Земле,
Но уже и немного – на Небе.

Михаил Даньшов

Рязань

* * *

Мои друзья, теперь где я бы не был
Я, вашу, чувствую поддержку и любовь.
Невольно взгляд свой устремляю в небо,
там нашу стрекозу я вижу вновь.

Она теперь парит над всей планетой,
частички наших душ в себя вобрав.
В ней столько стало доброты и света,
что не страшны ей грозы и ветра.
Мои друзья, спасибо вам за это.

Владислав Доброславский

СТРЕКОЗА

Стрекоза летит быстрее бабочки, –
то как пуля, а то – замирает,..
Стрекоза летит быстрее бабочки
и никто её не порицает,..

А когда в глаза ей смотришь пристально, –
набежит невольная слеза.

Стрекоза летит к стрекозьей пристани, –
оттого она и стрекоза.

Эту мысль хорошо бы в музыке,
или на экране воплотить.

Эту мысль хорошо бы в музыке
звонко и легко изобразить.

Сергей Шуба

Новосибирск

* * *

Есть люди такие вообще:
Портят книги,
Интересуются жизнедеятельностью Христа
Хотят дожить лет до ста
И прыгают из окна
Считаются лучше всех...
Кому достанется век?
За папертью нищих нет
Когда пролетит стрекоза
Тогда раскроешь глаза
И птичка, печатью поставленная на ладони твоей
Вспорхнёт. Растворится
В тебе. В этом небе
Вспомни хоть теорему Гёделя:
Всё может быть
В этом смысл такой огромный
А ты так боишься жить.

Галина Богапеко

СПАСИТЕ ПРИРОДУ И ЧЕЛОВЕКА

Настроенье охвачено радугой грёз,
Ощущенье стрекоз, их балета,
Ощущенье паденья загадочных звёзд,
Ощущенье счастливого лета.

А в кривых зеркалах преломляется свет
И слагается чёткое кредо:
Жизнь прекрасна и знания вечного нет,
Даже Веды об этом не ведают.
Плес на Волге,
В Ивановской области Плес –
Пристань, в виде колета,
Блеск фонарный,
Долгий фонарный блеск –
Ослепительный блеск кометы.

А Стрекозы!!! –

Здесь сотни прозрачных стрекоз,
Осадив света спектр,
Исполняют балет из мифических снов,
Исполняют балет двадцать первого века.

А в зеркальной воде отражается SOS:

Спасите природу и сверх человека!!!

Настроенье охвачено радугой грёз,
Ощущенье стрекоз, их балета,
Ощущенье падения сказочных звезд,
Ощущенье счастливого лета.

04.06.15

Дарья Крапивина

Екатеринбург

* * *

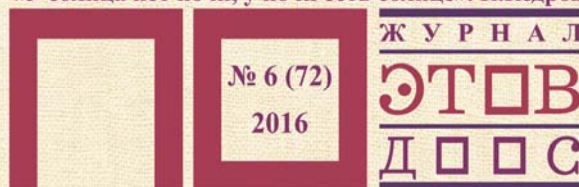
Пока живём (точнее – умираем),
Моя весна пылит тебе в глаза.
Стою на тёплых брёвнышках босая,
Кружиться над забором стрекоза.
Прабабушкины сохнувшие травы
Зачем-то ей нужны (нам не понять).
Там вдалеке уже гремят составы,
Быстрее нужно кашу доедать,
Идти встречать отца и дядю Костю,
Который дарит красный паровоз.
Мы засыпаем очень быстро. Просто
Устав от мельтешения колёс.

А утром мы бежим с тобой на ключик.
Нам в сумме нет четырнадцати лет.
И наше счастье лишь в комках липучек
И в жиже вязких тающих конфет.

«У солнца нет ночи, у ночи есть солнце». К.Кедров

Журнал ПОэтов ДООС
№ 6 (72) 2016 «Ночное солнце»

Учредитель и издатель
ООО ДООС
Гендиректор Маргарита Аль

Главный редактор –
доктор философских наук Константин Кедров
Зам. гл. редактора – Маргарита Аль
(+7(926)524-56-62)

Редакционный совет:

Е.Кацюба – ответ. секретарь;
В.Ахломов, фотограф, заслуженный работник культуры
РФ (Москва);
С.Бирюков, доктор культурологии (Германия), поэт;
А.Бубнов, доктор филологических наук (Курск), поэт;
В.Вестстейн, профессор (Нидерланды);
А.Витуховская, поэтесса (Москва);
А.Городницкий, доктор геолого-минералогических на-
ук, поэт, бард (Москва);
Э.Гусейнов, кандидат исторических наук (Москва);
К.Ковальджи, поэт (Москва);
А.Кудрявицкий, кандидат медицинских наук, поэт, про-
заик (Ирландия);
В. Нарбикова, прозаик (Москва).

Идея журнала и творческая концепция – группа ДООС
(Добровольное общество охраны стрекоз) при участии
Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной об-
щественной организации «Центр современного иску-
ства».

Логотип – Андрей Врядий
Макет – Елена Кацюба.
Верстка – Николай Лазарев.

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре РФ
Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-63353
Отпечатано в типографии ООО Мэйл Текнолоджи
Номер подписан в печать 1.12.2016 г.

Адрес в интернете:
[http:// www.litmir.net/UserBooks/?UserId=191742](http://www.litmir.net/UserBooks/?UserId=191742)
E-mail: fly-1@mail.ru

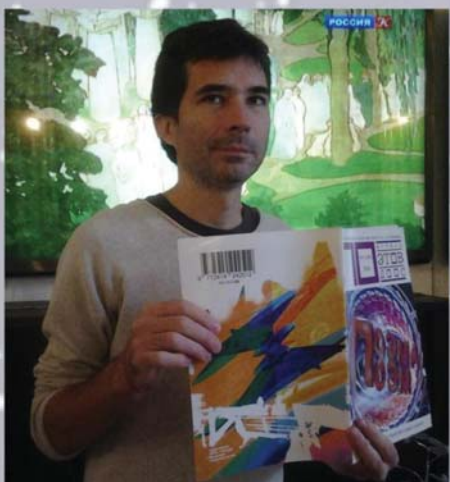
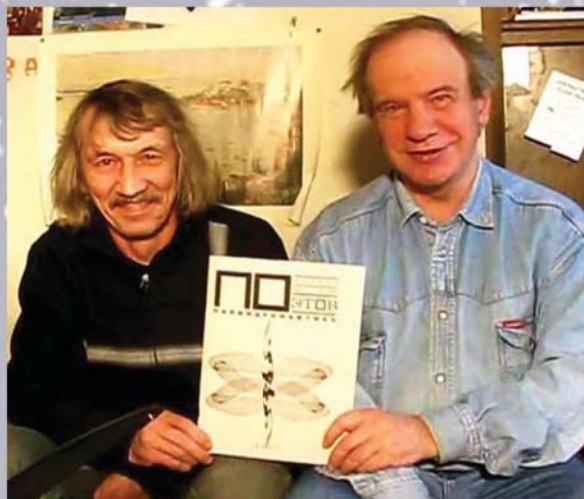
© издательство ДООС
© редакция Журнала Поэтов ДООС

ISSN 2414-2425

Книги издательства ДООС можно купить
в книжном магазине "Фаланстер"

Галерея авторов ПО

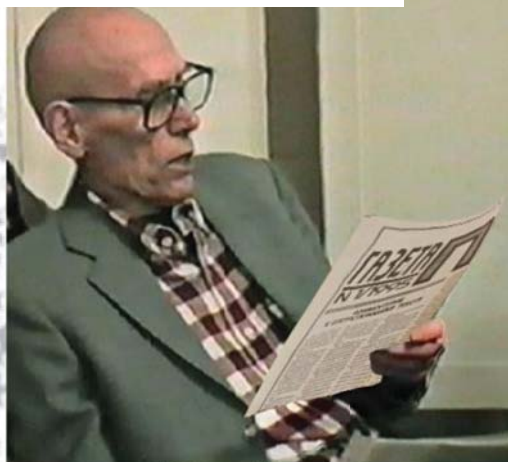
Сверху вниз: 1-я колонка – Александр Чернов, Александр Люсый, Маргарита Сюрица, Андрей Врядий;
2-я колонка – Александр Ерёменко и Константин Кедров, Галина Мальцева, Евгений Евтушенко, Елена Тахо-Годи;
3-я колонка – Герман Виноградов, Евгений Степанов, Вячеслав Куприянов.

9 772414 242512

TEC-IT.COM

Игорь Холин

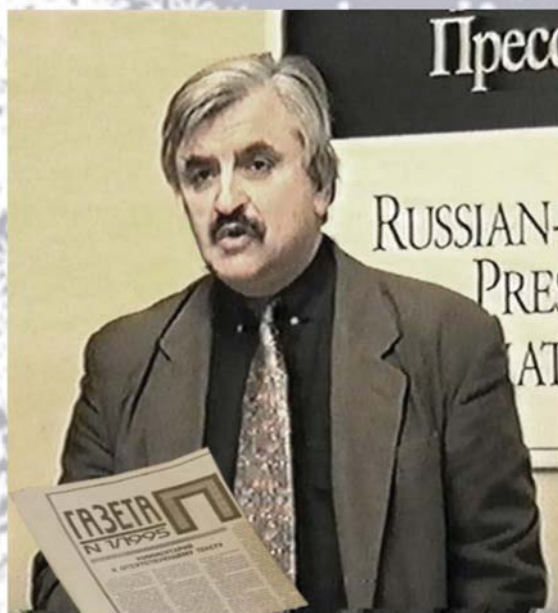
Андрей Вознесенский

Вадим Рабинович

Генрих Сапгир

Александр Ткаченко

Вилли Мельников

